

МАРИЭТТ ЛИНДСТИН

Безупречное изображение
психологии и методов
манипулирования,
используемых сектами.
Daily Mail

ВОСКРЕШЕНИЕ СЕКТЫ

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР ИЗ ШВЕЦИИ
ОТ ОДНОГО ИЗ ЭКС-ЛИДЕРОВ СЕКТЫ САЕНТОЛГОВ

Мариэтт Линдстин
Воскрешение секты
Серия «Крафтовый детектив из
Скандинавии. Только звезды»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66699262

Воскрешение секты: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-161486-7

Аннотация

София Бауман бежала из зловещей секты, обосновавшейся на Туманном острове, и рассказала правду о ней всей стране. Лидер культа, Франц Освальд, был осужден за жуткие преступления, творившиеся за высокими стенами его усадьбы, и попал за решетку. Но с помощью своего адвоката, беспринципной женщины, по уши влюбленной в него, он начинает плести сети зловещего плана мести тем, кто упек его в тюрьму. И один из самых главных пунктов в нем – проект «София Бауман». Это воистину адский план – превратить ее жизнь в бесконечный кошмар. Неужели София думает, что разорвала оковы вероучения, призванного спасти мир? Неужели она всерьез решила восстать против нового Бога? Тогда она заблуждается. Смертельно заблуждается...

Содержание

Пролог	5
Записки	7
1	10
2	15
3	26
4	36
5	47
6	53
7	63
8	72
9	82
10	88
11	97
12	105
13	111
14	119
15	126
16	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Мариэтт Линдстин

Воскрешение секты

Mariette Lindstein
Sekten Som Ateruppstod

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Mariette Lindstein 2017, by agreement with Andrew Nurnberg on behalf of Enberg Literary Agency AB

© Колесова Ю.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Пролог

И опять ей приснился кошмарный сон. Сердце отчаянно колотится, кожа покрывается потом. Тело кажется тяжелым и безжизненным, никак не вырваться из удушливых объятий сна... Но вот она все же разрывает его путы и просыпается с испуганным возгласом.

И тут же ей кажется, что она попала куда-то не туда. Чего-то не хватает – нет того облегчения, когда глаза видят свет, вещи в комнате. Полная тьма. Никаких контуров или теней. Запах земли и плесени; сквозняк, как из открытого окна.

С телом что-то не так. Затылок и веки свинцово тяжелые. Тошнота, головокружение. Мозг отказывается работать, не может собрать все воедино. С каждым вдохом грудь сдавливает от смутного страха, но это ощущение проскальзывает, ни за что не зацепившись. Во рту сухо, глаза словно засыпаны песком. В памяти пустота. Некоторое время она борется с этой пустотой, потом возникают образы. Кровать в квартире. Вино, вялость. Рука, лежащая ей на лоб. «Расслабься!» Потом комната поблекла, исчезла. Много времени спустя – краткий миг просветления. Покачивание, крики чаек. Быстрый взгляд вверх – и она видит туман, повсюду туман. Укол в бедро – и все снова погружается в темноту.

Внутри все обрывается. Осознание. Она не хочет впускать

эти мысли. Не хочет понимать, что произошло. Однако понимает. Где-то в глубине души она всегда боялась, что ее везут именно туда.

Поток света, устремившийся в комнату, когда открылась дверь, пробуждает слабую надежду, – но тут она слышит хорошо знакомые шаги. В воздухе повисает запах его одеколона. От его близости все тело начинает дико чесаться. Возникает импульсивное желание вскочить и бежать – настолько сильное, что замирает дыхание. Но тут что-то до боли сдавливает грудь. Дыхание затрудняется, вся сила утекает из мышц. Сердце бьется тревожно и неровно. Перед глазами начинают плясать черные точки.

Его голос звучит спокойно и доброжелательно:

– Добро пожаловать! Ты вернулась.

У него за спиной с громким стуком захлопывается дверь.

София испускает звериный вопль. Крик рождается, как щекотание в нёбе, поднимается из легких, водопадом хлещет из горла и достигает такого крещендо, что закладывает уши.

Потом становится тихо – теперь в темноте только он и она.

Записки

Следственный изолятор, Гётеборг

Из пепла ты восстал, пеплом снова обернешься.

Птица феникс сжигает себя на костре, из которого возрождается новая птица, моложе и сильнее прежней. Она живет пятьсот лет, а затем уничтожает сама себя в величественном ритуале. И возвращается в еще более могущественном обличье.

Парит высоко в воздухе.

Озирает острым взглядом убогий ландшафт земли.

Своей ослепляющей красотой она пробуждает страсть и бесконечное вдохновение.

Как птица феникс, сумею я возродиться, и возродится то, во что я верю.

Все, к чему стремится человек, есть здесь, во мне.

Толстые бетонные стены, запах дезинфекции, грязные углы и дохлые мухи в плафонах вокруг ламп.

Все это меня не затрагивает. Лишь заставляет меня увидеть возможности, которые не снились мне в самых мрачных кошмарах.

Я могу переноситься во времени и пространстве над этой

убогой лачугой и озирать все свысока.

Этот краткий миг заточения – всего лишь один удар в бесконечном пульсе вечности.

Всего несколько месяцев – и я вернусь, сильнее и могущественнее прежнего.

Я уже тоскую по ней.

По едва уловимому запаху духов от ее кожи. По завиткам волос, которые выбивались из косы и спускались на ее белый затылок.

Мягкий абрис ее лица.

Как у нее дрожали уголки губ, когда она выходила из равновесия. Грозные тучи, порой мелькавшие в ее глазах.

Зевки, которые ей не удавалось подавить. И то, как забавно она произносила: «Да, сэр!» – совершенно неискренне.

Вся эта дерзость, которую мне не удалось усмирить.

Я всегда славился как мастер деталей, и те детали, из которых состоял ее целостный образ, выглядели неотразимо. Она была так очаровательно бесхитростна...

Я чувствую, как сердце начинает стучать сильнее, когда я думаю о ней.

Во мне живет также гудящий гнев, с которым я не могу справиться. Но когда мне это удастся, я спроецирую на нее всю собранную силу. Я погружаюсь в эту мысль и какое-то

время нахожусь в очень темном месте.

Словно я оказался в тени чего-то зловещего.

Но потом думаю о будущем, которое простирается, как паутина, вся в блестящих капельках росы на утреннем солнце.

И вот я слышу шаги. Высокие каблуки, стучащие по бетонному полу. Шаги приближаются.

Я знаю, кто это.

Другое эфемерное существо, которое промелькнет в моей бесконечной жизни.

Анна-Мария Каллини.

О, Анна-Мария, ты себе даже представить не можешь, какие у меня на тебя планы...

Скоро ты появишься в дверях. И я улыбнусь тебе своей самой очаровательной улыбкой.

Представление начинается!

1

Анна-Мария Каллини разложила вещи на оттоманке, ровно и аккуратно. Сверху блузка, ниже юбка. На блузке лифчик, на юбке трусики, чулки стей-ап¹ расправлены по всей длине. Она достала туфли, повесила на вешалку пиджак. Поставила на стол сумочку. Некоторое время придирчиво озирала все это. Узкая прямая юбка серо-стального цвета от «Армани», белая блузка, серый пиджак от «Прада» и красная сумочка от «Луи Виттон». Туфли от «Маноло Бланик» со стальными каблуками. Во время последней поездки в Нью-Йорк на все это было потрачено не меньше пяти тысяч долларов. Однако сейчас при виде всей этой одежды Анна-Мария почему-то чувствовала себя дешево. Словно он в состоянии видеть ее насквозь сквозь этот дорогостоящий фасад. Что ж, по крайней мере, она подготовилась к завтрашнему дню... Ощущение стресса улетучилось.

Откинув с кровати покрывало, Анна-Мария залезла под одеяло и со вздохом легла на спину. Если б только она могла заснуть! Ей необходимо выспаться, чтобы завтра хорошо выглядеть. Она поставила будильник, еще раз убедилась, что сигнал включен, и погасила свет. Ей хотелось, чтобы ночь поскорее прошла... снова увидеть его. Некоторое время ей

---

¹ Вид компрессионных чулок.

пришлось бороться со своим нетерпением, прежде чем удалось расслабиться. Потом Анна-Мария унеслась мыслями в тот день, когда они впервые встретились. Задержалась там, как обычно... По коже забегали мурашки, внизу живота запульсировало. Она запустила палец в трусики и удовлетворила сама себя, но даже это не помогло.

* * *

В их первую встречу Анна-Мария села в лужу – ее трясло, колени подкашивались... Однако больше такое не повторится. Это произошло до того, как она смогла хоть как-то закрепиться перед натиском шторма по имени Франц Освальд, ворвавшегося в ее жизнь. Однако ее не покидало чувство, что с ней что-то происходит. В голове настойчиво зудел какой-то голос. Стальная женщина, никогда не отступавшая ни на миллиметр в зале суда, строго отчитывала жалкую курицу, в которую Анна-Мария превращалась перед Освальдом.

Все началось еще раньше, когда Анна-Мария читала материалы дела и увидела среди бумаг его фотографию. Какой взгляд! Конечно, она и раньше видела его портреты в газетах – фотографии Освальда красовались на витринах каждого газетного киоска. Но теперь, когда ей выпало представлять его интересы, он стал гораздо ближе.

Еще до первой встречи ее тянуло к нему как магнитом. Это продолжалось в машине по дороге в изолятор: голов-

ная боль, не проходившая от постоянного напряжения, словно предупреждающий о чем-то шепот на периферии сознания...

Едва она открыла дверь в помещение для встреч в изоляторе, из ее легких словно разом выкачали весь воздух. Освальд сидел, вытянув перед собой длинные ноги. Темные волосы рассыпаны по плечам, отчего он выглядел совершенно бесподобно. В воздухе разлился аромат его одеколона, подавляя запах моющего средства, поднимавшийся от пола.

Анна-Мария сделала пару шагов вперед. Ощутила внезапную слабость и взялась рукой за спинку стула. А затем последовал момент, который она могла вспоминать до бесконечности, – ткань футболки натянулась на его широких плечах, когда он поднялся. Ее взгляд задержался на его роскошном торсе – и никак не мог оторваться от него. Она чувствовала себя в полной растерянности, в то время как в голове пронеслась неприятная мысль. Что-то о профессионализме и необходимости соблюдать дистанцию в отношении клиента.

Когда она села, он все ей объяснил: как они совершат это путешествие вместе. Процесс, срок в тюрьме, если таковой вообще будет, – а потом встретятся в более интимной обстановке. Это он пообещал. И еще астрономическая сумма вознаграждения, которую Освальд небрежно упомянул мимоходом. От этой суммы у нее чуть не остановилось сердце. Она никак не могла сосредоточиться. В ушах шумело, в под-

мышках выступил пот, во рту пересохло.

– Всё в порядке? – встревоженно спросил он.

– Да-да, просто... Вероятно, я немного простудилась.

– Не думаю.

– Что, простите?

– С тобой произошло нечто другое.

– Не понимаю.

– Думаю, ты все прекрасно понимаешь. То, что чувствуешь сейчас, ты не сможешь испытать ни с кем другим.

Освальд отвел взгляд, глядя на пыльную тюремную стену. Казалось, видно, как у него в голове вращаются шестеренки. Ей нравилось, когда он становился таким – словно на него вот-вот снизойдет озарение и он решит все проблемы мира.

– Ну, если мы объединим наши головы, то наверняка справимся с этим делом, – выдавила из себя Анна-Мария.

– Или получится короткое замыкание... – Он схватил ее за руку. – Да нет, я просто шучу. Конечно, все будет хорошо.

Рука у него была горячая и сухая. Длинные пальцы. Большой палец щекотал ей ладонь, словно бабочка.

Усилием воли Анна-Мария заставила себя сосредоточиться, начала рассказывать, как планирует повести дело, прижать эту Софию Бауман и доказать, что она – ненадежный свидетель.

Но Освальд только снисходительно улыбнулся.

– Этого мы делать не будем.

– Но почему?

– Ты когда-нибудь видела, Анна-Мария, как действует паук в своей сети?

Она в замешательстве покачала головой.

– А вот как: сначала он дает мухам и прочей мошкаре запутаться в паутине. Поначалу можно подумать, что они умерли. Но они, понимаешь ли, просто усыплены. Потом одна из них шевелится. Тянет за нитку. И паук, который сидит в самом верху паутины, спешит туда. Можно подумать, что он съест муху, но нет. Он снова ее усыпляет. Парализует. Потому что только паук решает, кого и когда ему съесть. В его паутине все происходит на его условиях. Понятно?

Она кивнула, не желая показаться ему глупой.

– Некоторые самки пауков позволяют своим отпрыскам пожирать их, чтобы повысить шансы выживания рода. Вот это настоящая самоотверженность! Не то что глупые гусыни в «Виа Терра», – добавил Освальд и рассмеялся.

От того, что он предложил, колени у Анны-Марии задрожали под уродливым металлическим столом.

В последние несколько лет она не тратила свою энергию на отношения. Мужчины в роскошных костюмах по большей части оказывались неудачниками. Многословные идиоты, у которых едва встает. Но Франц Освальд не такой. Это человек, у которого есть план.

Дьявольский план.

2

Франц Освальд уже сидел в зале суда со своим адвокатом, когда вошла София. Настал момент, которого она более всего опасалась. Пол ушел у нее из-под ног. В животе все перевернулось, однако ей удалось побороть тошноту.

Сделать глубокий вдох.

Теперь страх наваливался реже, но когда это происходило, ей казалось, что ее ударили под ребра. Она подняла голову и встретилась с ним глазами. Воспоминания нахлынули так сильно, что ей оказалось трудно справиться с этим потоком. Она обнаружила, что он внушает ей то же отвращение, что и раньше, но его глаза не горели ненавистью – это ее обезоружило. Освальд первым отвел взгляд, дав ей необходимую передышку, чтобы, едва волоча ноги, подойти к своему месту и сесть.

Облегчение накатило волной, когда она уже сидела на своем стуле, а потом подступил гнев. «Черт его подери. Сила на моей стороне».

Истцами на суде выступали Эльвира и София. Такие разные. Эльвира, которая прошла через всю подготовку к процессу в слезах, льющихся ручьями, и София, вытеснившая все чувства, стиснув зубы с горьким упрямством, ожидавшая того момента, когда все будет позади.

В зале суда яблоку негде было упасть. СМИ жадно вце-

пились в громкое дело, на время отодвинувшее на второй план все прочие новости – политику, войны и катастрофы. Все статьи сопровождалось изображениями Освальда с суровым лицом и пристальным взглядом. Создавались блоги, форумы и сайты за него и против. Не проходило дня, чтобы об этом деле не упоминали в новостях. Поначалу репортеры кружили, словно гиены, вокруг дома ее родителей, в надежде, что она расскажет какую-нибудь пикантную подробность об Освальде. Хотя София последовательно избегала их, в СМИ ее называли «фанатичкой из секты» и «женщиной Освальда». А также «отважной» – наверняка не меньше сотни раз, это прилагательное СМИ обожают. Она отказывалась давать интервью. Пока рано выступать публично.

София бросила взгляд на Освальда, который сидел и шептался со своим адвокатом, Анной-Марией Каллини. Эта женщина не обладала классической красотой – черты лица слишком острые, нос великоват. Но ее наряд подчеркивал стройность фигуры, а макияж – большие темные глаза. Сексапильна и крута до чертиков. Ее взгляд скользил по залу, останавливаясь то на одном, то на другом лице, что придавало ей сходство с хищницей. Голос у этого стройного существа оказался хриплым и сочным. Когда ей давали слово, говорила она безостановочно. Невозможно было игнорировать ее всепроникающий голос.

Они сидели совсем близко друг к другу, она и Освальд. Его рука небрежно лежала на спинке ее стула. То и дело он

наклонялся к ней и шептал что-то ей на ухо, а она улыбалась кривой неестественной улыбкой.

Когда настал момент Софии давать показания, она сосредоточила все внимание на лице прокурора Гунхильд Стрёмберг, мысленно отбросив все окружение. Это сработало; голос повиновался ей, даже во время перекрестного допроса Анны-Марии Каллини.

Но самый тяжелый момент настал, когда заговорила Эльвира. Именно она оказалась в центре процесса – четырнадцатилетняя девочка, которую Освальд держал взаперти на чердаке, принуждая к сексу с удушением. Все, что рассказывала София о том, как Освальд обращался с персоналом, отступало в тень, едва Эльвира заговорила своим дрожащим голоском. В летнем платье с цветочным узором она выглядела как ребенок. Едва выдавливала из себя слова. И когда на нее налетела Каллини, утверждая, что Эльвира сама завлекла Освальда на чердак для игр, Эльвира начала всхлипывать и рыдать так отчаянно, что хотелось обнять ее и утешить. Судья выслала публику за дверь, когда допрашивали Эльвиру, но София видела, как по щеке одного из присяжных скользнула одинокая слеза. Представитель истца, добродушная дама лет шестидесяти, положила крепкую руку на плечо Эльвиры и поддерживала ее почти во время всего выступления, то и дело гладя по спине. Тем не менее слезы лились ручьем.

Когда Гунхильд Стрёмберг начала перекрестный допрос Освальда, то немедленно набросилась на него.

– Я хочу осветить прошлое обвиняемого, которое, на мой взгляд, повлияло на это дело, – заявила она и повернулась к Освальду: – Расскажите нам о признании, которое вы записали по поводу вашей жизни до «Виа Терра».

Все знали, что она имеет в виду. Аудиозапись, сделанную Освальдом, где он признается в самых чудовищных преступлениях. Как он в подростковые годы задушил девочку. Как потом бежал с Туманного острова, разыскал и убил всю свою семью во Франции, чтобы унаследовать их состояние. И как потом вернулся в усадьбу на Туманном острове и создал секту «Виа Терра». Эту запись Освальд назвал «набросок романа». Ничего нельзя было доказать.

Каллини запротестовала:

– Посторонний вопрос. Не имеет отношения к делу.

Но Освальд поставил ее на место взглядом, не терпящим возражений, так что судья дал ему ответить.

– Это не признание, а набросок романа. Моя жизненная философия и вся основа движения «Виа Терра» заключаются в том, чтобы извлекать энергию из прошлого. Этот процесс может занять долгое время и потребовать некоторых усилий, прежде чем будет аккумулирована разрушительная энергия. Никто не продвинулся в этих исследованиях так далеко, как я...

София поймала взгляд Эльвиры и закатила глаза к небу, от чего девочка улыбнулась сквозь слезы.

Гунхильд Стрёмберг нетерпеливо прервала Освальда:

– Правда ли, что ты лишил жизни всю свою семью во Франции?

Каллини взорвалась, но Освальд снова остановил ее взглядом. Он уже овладел вниманием публики. Чувствовал себя в своей стихии.

– Что за странные люди в этой стране... Что, уже и роман сочинить нельзя? У моей семьи печальная история. Мне трудно было перенести эту потерю. Но вы ведь не можете всерьез думать, что я мог совершить такое злодеяние? Моя миссия – дарить людям жизнь, а не отнимать ее у них. Я и мухи не обижу.

София скосила глаза на одного из присяжных, который быстро и неосознанно кивал. В зале стояла гробовая тишина. Все взгляды устремились на Освальда. Голос его звучал ясно и спокойно; в зале стояла почти гипнотическая тишина.

Гунхильд Стрёмберг откашлялась и снова впиалась в Освальда суровым взглядом.

– Стало быть, принуждать несовершеннолетнюю к сексу с удушением – это и есть «дарить жизнь людям»? Мы, прочие, называем это изнасилованием.

– Я не насильник и провожу лишь целительные ритуалы. Эльвира сказала мне, что ей шестнадцать, и она была влюблена в меня по уши, так что это вряд ли можно считать изнасилованием. Но сейчас я отвечу на твой вопрос, Гунхильд. Ведь так тебя зовут?

Он произнес ее имя так, что оно прозвучало забавно и

старообразно.

– Насколько я понимаю, в Швеции совершенно законно экспериментировать с сексуальными играми, если обе стороны дают свое согласие. Секс с элементами удушения может давать потрясающе яркие ощущения. Может быть, ты тоже хочешь попробовать, Гунхильд?

Тут публика разразилась грубым хохотом, а щеки Гунхильд Стрёмберг чуть заметно порозовели. Несколько секунд царил полный хаос, пока судья не заставил зал замолчать.

* * *

Потом выступали свидетели. Только Беньямин, парень Софии, и Симон, работавший в «Виа Терра» садовником, решились свидетельствовать против Освальда. Остальные сотрудники трусили – возможно, потому, что некоторые блогеры угрожали проклятьем и адом тем, кто выступит против него. Сколько бы плохого ни писали об Освальде в СМИ, у него образовалась группа преданных почитателей, которая только росла. Кроме того, им по-прежнему восхищались некоторые звезды.

Потом выступали сотрудники, свидетельствовавшие в пользу Освальда. Некоторых из них София считала своими друзьями. Мадлен, секретарша Освальда, и Буссе, его правая рука. Бенни и Стен, тупые, но агрессивные охранники.

И самое ужасное предательство: Мона и Андерс, родители Эльвиры. София бросала на них полные ненависти взгляды, но их пустые глаза смотрели сквозь нее.

Один за другим они выходили и давали показания. Завтраки, что Освальд – самый чудесный лидер в мире, что он заботился о них, поддерживал их в работе. Сам трудился день и ночь ради общего блага, с неизменной улыбкой на губах. Да, они заметили, что у Эльвиры был подростковый кризис и что она заикнулась на Освальде.

София вдавила ногти в ладони. Ей хотелось закричать в голос, что эти подонки откровенно лгут. Она заметила, что Симон и Бенъямин сидят среди зрителей. Ее взгляд остановился на неподвижном профиле Симона. Тот почувствовал это, обернулся и медленно покачал головой. А потом улыбнулся, совершенно раскрепощенно, словно не существовало всего этого откровенного вранья в зале суда. В этом весь Симон!.. Это помогло ей немного расслабиться.

В тот день, когда Освальда задержала полиция, все казалось таким очевидным... София словно находилась внутри жуткого триллера – и сделала последний убийственный выстрел. Освальд отправился в изолятор. Она поехала домой. В ее крови все еще гулял адреналин. Голова кружилась от пьянящего чувства свободы, продолжавшегося несколько дней.

Но потом навалились воспоминания, скрывавшиеся в глубине, – и застали ее врасплох. Тяжелее всего давались ночи. В темноте картины прошлого становились особенно яркими

и отчетливыми в последний час перед наступлением рассвета. Если она не лежала и не предавалась размышлениям, а забывалась тревожным сном, ей снились кошмары. Разные версии одного и того же сна. Освальд, лапающий ее в офисе. София могла проснуться от своего собственного дикого крика, ощущая, как бешено колотится сердце, и недоумевая, действительно ли это она так ужасно кричала. От одной мысли об Освальде сердце замирало. Иногда ей мерещилось, что он стоит в тени за дверью в ее комнате – она видела черты его лица, проступающие из темноты. Две черных дыры там, где должны быть глаза. Именно так он стоял и караулил в тот вечер, когда покушался на нее в офисе.

Сон казался таким ярким и реальным, что ей приходилось вставать с постели и бродить туда-сюда по комнате, пока не прекратится сердцебиение. Вызывать в сознании всякие утешительные мысли: он все же не довел дело до конца, другим пришлось гораздо хуже, хватит пугаться на пустом месте... Однако мрачное, зловещее чувство не проходило. Словно именно туда она движется – к той самой стене в его офисе.

София попробовала принимать снотворное, но оно не оказало никакого влияния на этот повторяющийся сон, разрывавший в клочки ее ночи.

Тем временем запустилась судебная машина – со скрипом и вздохом, – и вдруг оказалось, что Освальд снова дышит ей в затылок.

Софии казалось, что процесс – плевок в лицо справедливости. Освальду удалось завладеть всеобщим вниманием и распространять свои лживые речи. Каллини буквально заправила Эльвиру, почти доведя ее до нервного срыва. Но в заключительном выступлении прокурор сжала руки в жесте фрустрации и воскликнула:

– Черт подери, ей было всего четырнадцать, а этот негодяй запер ее на чердаке и насильовал!

И, несмотря на протесты со стороны судьи и адвоката, это произвело сильное впечатление.

* * *

Пришлось ждать четыре часа, пока судья и присяжные совещались в отдельном кабинете. Солнце за окнами здания суда успело затянуться тяжелыми дождевыми облаками, а они все ждали – с надеждой и страхом.

Когда их снова пригласили в зал, Эльвира почти сгрызла самый последний ноготь. София сидела в объятиях Беньямина, отгоняя ужасные мысли о том, что будет дальше, если Освальда оправдают.

Но в конце концов его приговорили к тюремному заключению. Два жалких года – за все, что он вытворял с ними на Туманном острове. Список оказался длинным, но «иснасилование несовершеннолетней», которое каким-то загадочным образом смягчилось до «сексуального использования»,

стало единственным, что удалось доказать.

Когда было оглашено решение суда и все закончилось, София в последний раз взглянула на Освальда. Тот поднялся и с довольным видом кивнул Каллини. У Софии голова пошла кругом. Так он считает, что это хорошо? Как-никак он будет сидеть в тюрьме. И тут до нее дошло, что именно так Освальд все и спланировал. Поскольку наказания не избежать, он получил свои два года, и его наверняка посадят в одиночную камеру, где он отдохнет, напишет свой идиотский роман и сохранит контроль над тем, что осталось от «Виа Терра».

«Хотя мне на это плевать, – подумала София. – Никогда больше, никогда в жизни мне не придется находиться рядом с тобой, ощущать запах твоего отвратительного одеколona, переписывать начисто твои бредни или слушать твой ворчливый голос. Никогда больше ты не посмеешь прикоснуться ко мне. Надеюсь, ты получишь в тюрьме по заслугам. И однажды останешься один в душе с тремя парнями и ручкой от швабры...» Впрочем, она тут же подумала, что такое происходит только по телевизору или в американских тюрьмах.

Освальд обернулся, мимоходом поймав ее взгляд. По всему ее телу пробежал холодок; она поспешно вдохнула, узнав этот огонек в его глазах. Легкую улыбку, отражавшуюся в глазах, хотя губы оставались неподвижны.

И это выражение лица, так хорошо ей знакомое, заставило ее вновь задаться вопросами.

Как все могло так сложиться? Почему он стал таким, ка-

ким стал?

И откуда взялось это злое начало...

3

Симон покосился на профиль Софии. Она напряжена. Челюсти сжаты, она неосознанно скрежещет зубами. Ему показалось, что она бледная и усталая. Даже еще более усталая, чем когда они вместе вкалывали, словно рабы, в «Виа Терра», успевая поспать пять-шесть часов за ночь.

Отношение ко всему этому у Симона было двойственное. С одной стороны, его мало интересовало происходящее в зале суда. У Освальда на совести много всякого, и теперь пришло возмездие. Это могло закончиться только тюрьмой. С другой стороны, Симона не покидало неприятное, трудно определяемое чувство, в целом непривычное ему. Что-то такое чудилось ему в поведении Освальда... Если не знать, что он подсудимый, можно было подумать, что это он царит в зале суда. Казалось, ему все равно; он лениво взирает на всех, иногда забавляясь. И Симон не мог сказать, оправданны ли его мрачные предчувствия, или же они связаны с его все чаще возвращающимися параноидальными приступами.

Более всего на свете ему хотелось уехать обратно на Туманный остров, где он теперь работал. Симон очень надеялся, что в его отсутствие другие хорошо позаботились о теплицах. Новая работа ему очень нравилась. Осень скоро вступит в свои права, и многое еще предстоит сделать, чтобы всю зиму продолжать выращивать овощи в теплицах. Но време-

ни у него предостаточно – кошмар, связанный с «Виа Терра», никогда уже не вернется. В пансионате на него не кричали, не заставляли работать быстрее, не случалось катастроф; его не забирали, словно пешку, на другие объекты. Нет, ему определенно нравилась новая работа. Приятно будет вернуться на остров.

Однако Симона огорчало, что у Софии такой серьезный вид. Такая бледная, с черными кругами под глазами... Заметно, что она не в порядке, даже несмотря на красивый костюм, который она сегодня надела. И все же есть в Софии нечто особенное, притягивающее взгляды. Далеко не все мужчины замечали ее красоту, притаившуюся где-то глубоко. Она редко пользовалась косметикой, а длинные волнистые волосы обычно попросту заплетала в косу. Но тот, кто почувствовал ее притяжение, уже не мог от него отделаться. Симон подумал, ему повезло, что он не влюбился в нее. Просто ему хотелось снова увидеть ее веселой, как тогда, когда они работали вместе в секте: кормили свиней, обсуждали книги, пробирались по снегу и строили рожи за спиной у охранника Бенни, смеясь надо всем и всеми. Рабский труд не сломил их. Оба знали, что Освальд лишился разума, но продолжали бороться. Именно такой Симон хотел бы снова увидеть Софию.

Но даже когда они встретились за дверями зала суда после оглашения приговора, она по-прежнему казалась недовольной.

Тогда Симон взял ее под руку.

– Всех угощаю ужином. Кто пойдет?

Откликнулись София, Беньямин и Эльвира.

– Ну что ты сидишь и дуешься? – спросил Беньямин Софию, когда они уселись за столиком в ресторане. – Он будет сидеть в тюрьме. Ведь именно этого мы и хотели, не так ли?

– Каких-то два жалких года, – возразила София. – За все, что он сделал со своими сотрудниками... Это не изменит его ни на йоту. Он воспримет это как отпуск. Отдохнет и вернется еще злее, чем когда-либо. А потом, представь себе, сколько любовных писем он получит в тюрьме... Таких, как он, только могила исправит.

– По крайней мере, с «Виа Терра» покончено, – проговорила Эльвира.

Симон принялся чесать ногтями голову. Он не собирался ничего говорить, но недомолвки – не его кредо. Так что он рассказал им все, что произошло на острове. С того дня, как полиция провела рейд во владениях секты, до того, как всех сотрудников отправили на пароме домой.

Симон как раз был занят тем, что укреплял в теплице решетку для вьющегося винограда, когда приехала полиция. В стеклянном доме царили такая жара и духота, что трудно было дышать. Стоял солнечный день, в теплице было жарко, как в бане. Растения боролись за каждую каплю кислорода. Симон весь вспотел. Внезапно он увидел, как распахнулись ворота и вбежали полицейские – целая армия с пистолетами

в руках. Они заняли усадьбу, перевернули все вверх дном. Поначалу Симон просто стоял, открыв рот, и смотрел на окна здания, пытаясь понять, что происходит внутри. Потом увидел Эльвиру, которая вышла, закутанная в одеяло, в сопровождении женщины-полицейского. И тогда до него дошло. Сердце подпрыгнуло в груди. Стало быть, все это всерьез – стены рухнули. Он стоял и смотрел, пока к нему не подошла женщина-полицейский.

– Тебе следует зайти внутрь, – сказала она, глядя на его грязный комбинезон. – Может быть, тебе стоит сперва умыться. Мы будем допрашивать всех сотрудников.

Допросы продолжались три дня, и Симон рассказал все, как было. О наказаниях, о том, как им не давали спать, держали за стеной, словно заключенных. Слова текли, как журчащий ручей. Никогда прежде ему не доводилось так много говорить.

После трех дней допросов их отправили домой, даже тех, у кого не было другого дома, кроме «Виа Терра». Усадьба – место преступления, его нужно огородить.

Так получилось, что они все вместе сели на пятичасовой паром, пересекающий залив. Сорок восемь человек – без Освальда, который столько лет был их путеводной звездой. Без работы и планов на будущее. Потрясенные и пристыженные. Некоторые – подавленные и сбитые с толку. Другие втайне испытывали возбуждение и облегчение.

Первой открыла рот Мадлен – при виде ее бесцветных

глаз у Симона мурашки побежали по телу.

– Это все неправда, я никогда не предам Франца, – сказала она. – София просто спятила.

С ней согласилась Анна, которая всегда была влюблена в Освальда.

– Видели Эльвиру? Она ныла, как ребенок, когда ее выводили. Фальшиво до ужаса.

– Франца скоро отпустят, – сказала Мадлен. – Он вернется. Вы же понимаете? Нужно держаться вместе, пока все снова не станет как прежде.

Но Мира, которая за время своего пребывания в секте в основном выполняла штрафные работы, выглядела потерянной, сидя на своей скамейке.

– Я, пожалуй, поеду домой и обдумаю все это хорошенько, – пробормотала она.

– Да что тут думать? – заявил Буссе, правая рука Освальда. – «Виа Терра» – единственная истина. Понятно, что они пытаются заставить Франца замолчать. Само собой, мы должны держаться вместе.

И дальше все в том же духе. Либо ты всей душой принадлежишь группе, либо оказываешься изгоем.

Но Симон сидел, погруженный в собственные мысли, не в силах заставить себя участвовать в этом странном разговоре. Целых три года он не покидал остров. Когда они только взошли на паром, он был уверен на все сто процентов, что вернется к родителям на хутор в Смоланде и начнет работать

на земле; ничто больше не связывало его с Туманным островом. Ни одна живая душа не знает, что он на самом деле думает и чувствует, а также о том, что это он помог Софии сбежать, – и пусть все так и останется. Но когда на горизонте тонкой полосой замаячили очертания материка, Симона начали терзать сомнения. В голове зазвучал резкий голос матери. Он увидел перед собой грустные глаза Даниэля в тот роковой вечер. Симон поклялся себе никогда не возвращаться. Никогда не прощать мать. Запихнуть весь этот проклятый хутор в некий душевный архив. И вот теперь он направляется из огня да в полымя... Симон не видел никакого выхода. Не мог заставить себя принять решение.

Оторвавшись от своих размышлений, он оглядел группу, которая теперь разделилась на два лагеря. Те, кто за, и те, кто против.

Тех, кто за, оказалось явно больше. Андерс и Мона, родители Эльвиры, сидели молча, прислонившись к бортику. Мадлен тоже заметила, что они не проронили ни слова.

– А вы? Что вы собираетесь делать?

Мона сжала губы и отвернулась. Но тут Андерс поднялся и положил руку на плечо Моне.

– Мы с тобой, Мадлен. Эльвира сама виновата, что все так получилось. Она все время говорила нам, что хочет быть с Францем. Мы не предадим «Виа Терра» ради нее. Правда, Мона? Мы вытесним из памяти все, что связано с Эльвирой.

Мадлен издала радостный возглас:

– Вот это правильно!

Симон почувствовал прилив гнева. Он встал и сделал пару шагов в сторону Андерса, охваченный желанием двинуть ему хорошенько и выкинуть за борт. Но как раз в эту секунду паромщик Эдвин Бьёрк выкрикнул из кабины его имя.

– Тут кто-то ищет тебя по моему мобильному телефону. Подойди и поговори, пожалуйста.

Растерявшись, Симон подошел к Бьёрку и взял из его протянутой руки телефон.

Женщина с незнакомым голосом представилась как Инга Херманссон, владелица пансионата в деревне. После долгих извинений и вздохов по поводу ужасной ситуации с сектой Инга перешла к делу: она наслышана о том, что и как выращивает Симон, и теперь хотела бы предложить ему работу, поскольку пансионат планирует использовать только экологическое сырье и овощи собственного производства. Инга продолжала рассказывать, как много хорошего слышала о Симоне от гостей «Виа Терра». Сердце сжалось у него в груди. Мысли унеслись к теплицам и полям «Виа Терра», к виноградным лозам и томатной рассаде – все это завянет и исчезнет. Поля скоро зарастут бурьяном. Перед глазами встало все, что создано его руками за последние годы и что сейчас будет заброшено и испорчено. На мгновение вернулся голос матери, но тут же удалился, слившись со звуком воды, бьющейся о киль парома. То, что давило на грудь, отпустило.

– Когда приступить? – спросил Симон.

– Как можно скорее.

– Приеду назад следующим паромом, – ответил он Инге Херманссон и, не дожидаясь ответа, дал отбой.

В тот же день Симон вернулся на остров и начал работать в пансионате. Стоило ему прикоснуться к земле, как воспоминания о секте поблекли и растворились. Но теперь его стал волновать вопрос: а вдруг «Виа Терра» возродилась, словно живой организм, задышала, зашевелилась? Где-нибудь... Каким-то образом...

Когда он закончил свой рассказ, все некоторое время сидели молча.

– Но ты же не думаешь, что они вернуться на остров? – с ужасом спросила Эльвира.

– Кто знает... – Симон вздохнул. – Меня не покидает ощущение, будто что-то затевается.

– Да ну, если Мадде² возьмется править, получится суцая ерунда, – отмахнулся Беньямин. – Да и о чем нам беспокоиться? Что они могут нам сделать? Ничегошеньки.

– Я не в состоянии даже думать об этом, – проговорила София. – Но ведь ты можешь на всякий случай приглядывать за этим местом, правда, Симон?

Симон кивнул. Он не чувствовал внутренней уверенности – однако лучше промолчать, пока у него не будет чего-либо конкретного.

– Но что же ты будешь делать теперь, Эльвира? – спросила

---

² Мадде – сокращение от имени Мадлен.

София. – У тебя есть кто-нибудь, кто позаботится о тебе?

– Я сейчас живу у тети в Лунде. Хочу закончить школу. Потом посмотрим.

Ее взгляд вдруг помрачнел, между светлыми бровями пролегла морщинка. Девочка явно над чем-то размышляла, и Симон был почти уверен, что дело тут не в судебном процессе. Черные круги под глазами, казалось, поселились там навсегда. Красные прожилки в глазах были у нее уже в то утро. С Эльвирой что-то не так.

– Ты уверена, что тебе не нужна помощь? Тебя огорчило, как поступили с тобой Андерс и Мона? – спросил он.

– Да нет, все нормально. У нас по-любому никогда не было доверительных отношений. Я люблю их и все такое, но мы всегда входили в какие-нибудь религиозные группы, а теперь с меня хватит. Папа упорствует до конца. Он говорит, что мы должны отказаться от всего материального. Понимаете? Без разницы, где ты живешь и закончил ли школу.

– Или что какая-то садистская свинья изнасиловала твою дочь, – добавила София и тут же втянула губами воздух, словно пытаясь засосать обратно свои слова. Но Эльвира, похоже, не расстроилась, только кивнула и закатила глаза, так что длинные ресницы почти коснулись бровей.

– Хотя одно я все же не понимаю, – признался Беньямин. – Как получилось, что Андерс и Мона позволили тебе давать показания против Освальда? Ты ведь несовершеннолетняя.

– Они сказали, я могу делать все, что захочу. Они вытес-

нили меня из сознания. Я для них больше не существую.

– Просто безумие какое-то! – воскликнула София.

– Лучше уж так. Я хочу быть нормальным человеком, а не ребенком секты. Найти друзей. Закончить девятый класс.

Симон глянул на Софию, сидящую напротив него. Ее щеки снова порозовели, а в глазах появился блеск. Он подумал, что с ней все будет хорошо – теперь, когда процесс закончился.

– А ты чем собираешься заниматься? – спросил он. – Нашла себе работу?

– Я ищу, – ответила София, и взгляд ее тут же стал замкнутым. Симон понял, что наступил на большую мозоль.

4

И вот снова он. Вопрос, по поводу которого она тревожилась, которого ожидала и знала, что его обязательно зададут. Ответ она раз за разом повторяла про себя – всю дорогу до места встречи. Внушала себе, что на этот раз все пройдет прекрасно. Надо просто держаться спокойно, почти небрежно.

Женщина с круглым лицом посмотрела на Софию поверх очков, прищулив серые глаза.

– Так-так, а где ты работала в последние два года?

София приготовилась отвечать. Проклятие! Снова заговорила сбивчиво, голос зазвучал хрипло и виновато, как-то по-идиотски сконфуженно, словно тетка застала ее на месте преступления.

– Дело в том, что я немного сбилась с пути... Вступила в секту.

Женщина вздрогнула.

– Из которой я уже вышла, – поспешила прибавить София. – То есть я теперь не имею к ней никакого отношения.

– Вот как? А какая секта, можно узнать?

– Вероятно, вы о ней не слышали. «Виа Терра».

Но женщина, сидевшая напротив, конечно же, слышала про «Виа Терра». Она подняла брови, поджала губы и посмотрела в окно на газон. Стоял серый облачный день. Ми-

мо проплывали тяжелые облака, через приоткрытое окно тянуло свежим воздухом с запахом дождя. София поежилась. Попыталась встретиться глазами с женщиной, но та смотрела теперь в стол. Между ними повисло какое-то нервное напряжение, которого не ощущалось раньше. Атмосфера в кабинете стала неудобной.

– Ну что ж, у меня есть твое резюме, так что я свяжусь с тобой, если мы заинтересуемся.

«Черта с два ты со мной свяжешься».

И снова внутри все упало. Несколько интервью по приему на работу заканчивались именно так. И никто больше с ней не связался. «Виа Терра». Стоит произнести эти слова, и она автоматически становится непригодной. Человек, совершивший такой идиотский поступок и вступивший в секту, по определению никому не подходит. После возвращения в Лунд София неоднократно пыталась устроиться на работу. Ей хотелось работать в библиотеке. Но найти работу оказалось труднее, чем она думала. Особенно будучи бывшей сектанткой.

Женщина подняла глаза, теперь с легким раздражением.

– Ну что ж, тогда договорились.

Настал тот момент, когда надо подняться, поблагодарить и больше никогда не обращаться в это место в поисках работы. Но сегодня София вела себя не так, как обычно. Ей отчаянно хотелось получить работу ассистента библиотекаря в университете. Библиотеку она обожала. Запах высохшей на

солнце пыли и старой кожи. Свет, когда солнце заглядывает в большой зал. Яркие осенние краски листьев на деревьях за окном...

В горле встал ком, подступили слезы. Вся ситуация казалась ей такой несправедливой...

София поднялась, чтобы уйти, но ноги словно пристыли к полу. Сказать все, как есть? Выразить свои чувства? Перед глазами сразу встало множество препятствий. Неправильно быть навязчивой. Может быть, о ней пойдет дурная слава – если она начнет спорить, то уничтожит свои шансы найти работу в другой библиотеке...

«Не вставай в позицию жертвы!»

София снова поймала взгляд женщины.

– Понимаю, вы считаете, что я совершила глупость, вступив в секту. Но дело в том, что я – суперквалифицированный специалист. Я закончила бакалавриат по литературе и самостоятельно составила целую библиотеку. Я могу произнести алфавит с начала до конца и задом наперед. Очень быстро. Я отлично разбираюсь в компьютерах. И обещаю, что ни одна книга не будет стоять на полках не на своем месте.

Женщина с трудом сдерживала улыбку.

– Позвоню во второй половине дня. Только уточню несколько моментов.

* * *

В автобусе было тесно, и Софии пришлось стоять. Когда из ее мобильного телефона донеслись мягкие звуки джаза, она поначалу подумала, что это звонит телефон стоящего рядом парня. Мелодию звонка София меняла несколько раз. Резкие сигналы заставляли ее вздрагивать: ей казалось, что звонят из полиции сообщить, что Освальд сбежал и охотится за ней. Но этот сигнал звучал как задумчивая мысль. Музыка уже заканчивалась, когда София вытащила из кармана телефон. Голос она узнала сразу – деловой и немного сдержанный, но теперь с ноткой теплоты.

– Когда ты готова приступить к работе, София?

– Немедленно. Если надо, то прямо завтра.

– Завтра суббота.

– Это не имеет значения.

* * *

Папа встретил ее в прихожей. Софии хотелось немедленно рассказать ему, но она не успела вставить ни слова.

– Я обнаружил прекрасную однокомнатную квартиру недалеко от центра. Сегодня ходил смотреть. Знаю, что ты пока не нашла работу, но мы с мамой готовы помогать тебе,

пока ты не встанешь на ноги...

– Я нашла работу!

С этого момента жизнь пошла в гору.

Все, что было разорвано, снова срослось. Детали, на которые София раньше не обращала внимания, проступили с неожиданной остротой: как солнце по вечерам окутывает город блестящей сетью, восхитительные запахи, доносящиеся по утрам из пекарен и кафе, монотонный гул шоссе вдали, убаюкивающий ее, когда она засыпала...

Многое, что она считала само собой разумеющимся, приобрело новый смысл. Отдыхать в выходные, есть то, что захочется, встречаться с родителями и друзьями. Возможность поспать подольше приобрела особую остроту после вынужденного недосыпа в секте. Однажды в ночь с субботы на воскресенье София специально поставила будильник на шесть, встала, а потом забралась обратно в постель и снова заснула. Просто потому, что могла так сделать. А какое облегчение – писать мейлы и эсэмэски, не опасаясь цензуры! Не говоря уже о том, чтобы свободно лазить по интернету...

Все эти мелочи наполняли ее счастьем.

* * *

Квартирка была маленькая, с альковым и кухонным уголком; в комнате едва помещались диван, музыкальный центр и пара книжных шкафов. Но София обставила свое жили-

ще в чистых светлых тонах и самозабвенно поддерживала в нем идеальный порядок, что вообще-то было на нее совсем не похоже. По утрам она сидела на веранде, завернувшись в плед, и всматривалась в силуэты города, напоминающие мираж на фоне восходящего солнца, наслаждаясь чувством свободы, которое вернулось к ней теперь, когда она обрела свое место на земле.

Работа в основном сводилась к тому, чтобы расставлять по полкам книги. Вскоре София нашла свой темп, двигаясь одновременно быстро и мягко. Ей часто вспоминалось время в «Виа Терра». Она пыталась понять, почему осталась там так надолго, но каждый раз приходила к одному и тому же выводу: это не имеет значения. Такую ошибку два раза не совершают, и это самое главное.

София снова возобновила контакты с Вильмой, которая до вступления в секту была ее лучшей подругой. Вильма очень изменилась с тех пор, как начала работать в области моды. Теперь она одевалась в обесцвеченные, немного помятые одежды естественных цветов, которые на ней выглядели на удивление дорогостоящими. Волосы она подстригла в каре и выкрасила в черный цвет. Мягкие красивые изгибы ее тела исчезли в результате диет, и во время их встреч в кафе она по большей части ковыряла вилкой в салате. София начала думать, что они переросли свою дружбу, но Вильма настаивала на обязательных встречах раз в неделю. Во время первых встреч она заставила Софию в малейших деталях

рассказать обо всем, что произошло на острове. От Освальда Вильма была просто без ума.

– В каком-то смысле я понимаю, почему тебя так потянуло к нему, – заявила она однажды. – Освальд невероятно красив, этого никак нельзя отрицать. Не знаешь, где он покупает одежду? В смысле – все, что на нем, соответствует последней моде.

– Знаешь, Вильма, он считает себя выше таких вещей, как мода. Все сделано на заказ. До него я никогда не слышала, чтобы человек шил себе джинсы у портного.

– Ах, черт!

– Как бы ты ни относилась к нему, помни, что он обращался со своими сотрудниками как с отбросами.

– Подумать только, что он оказался таким монстром!.. Просто трудно понять.

– Мне кажется, тут ты ошибаешься. Таких, как Освальд, как раз легко понять. Он – самый обычный мужик, в этом-то и заключается проблема.

– А вдруг удастся его перевоспитать...

– Поверь мне, Вильма, его нельзя перевоспитать; с такой задачей тебе не справиться.

– Подумать только, что он так заиклился на тебе... Не обижайся, но...

– Вильма, ты не могла бы заткнуться?

– О'кей, я помолчу. Только одно слово. Если уж тобой заинтересовался такой обалденно красивый парень, как

Освальд, я, если честно, не понимаю, зачем тебе общаться с таким скучным, бесхребетным типом, как Беньямин.

– Ты его не знаешь. Беньямин мне очень подходит. Никого другого мне не нужно.

Вильма состроила гримаску и продолжила ковыряться в тарелке с салатом.

* * *

София оставалась верна Беньямину. От одного взгляда на него у нее по-прежнему начинало трепетать в груди. Он остался в Гётеборге, жил у сестры, работая в транспортной компании, но на выходные приезжал к Софии в Лунд – каждый вечер пятницы около восьми появлялся у ее дверей. Она готовилась к его приезду. Уже в среду вечером начинала думать о сексе, а в пятницу вечером уходила с работы настолько возбужденная, что в последние полчаса перед его появлением нетерпеливо бродила туда-сюда по квартире в надежде, что поезд придет раньше времени. Надевала сексапильное нижнее белье. Едва Беньямин переступал порог, как они сливались в объятьях, опьяненные возбуждением. Чаще всего бывали так нетерпеливы, что не доходили до спальни и занимались сексом прямо на полу в коридоре. В их отношениях не обходилось без проблем, но секс всегда был хорош. И даже прекрасен.

Наступила холодная, снежная зима, но в январе дни стали длиннее и светлее. Только ночи оставались темными и тяжелыми. Софии по-прежнему являлся в снах Освальд – когда Бенъямин был рядом, становилось еще хуже. Наверное, потому, что он напоминал ей о времени, проведенном на острове. Иногда Бенъямин не выдерживал ее криков и осторожно будил ее.

– Тебе опять снился кошмарный сон.

Обычно она просыпалась вспотевшая как мышь и в полной растерянности.

– Ты так громко кричала...

– Проклятие!

– Мне тяжело видеть, как ты мучаешься.

– Все наладится. Наверное, есть что-то, чего я не поняла...

– Чего ты не поняла? Рано или поздно ты должна выпустить это наружу, София.

– Что именно?

– Свою травму.

Она прижималась к нему, пока не успокаивался пульс.

– А у тебя не бывает кошмарных снов, Бенъямин?

– Иногда. Но они просто раздражают. Они не такие, как у тебя.

– И что тебе снится?

– Всегда один и тот же сон. Я в городе. Это Гётеборг, но все же не Гётеборг, потому что там есть холмы и утес, нависающий над водой.

– Как на Туманном острове?

– Вот именно. Я чувствую себя встревоженным и потерянным. Брожу и ищу что-то, но не знаю, что именно. Потом подхожу к тоннелю, и по всему телу начинают бегать мурашки. Там всегда кто-то стоит – разные люди из «Виа Терра». Иногда Мадлен, иногда Буссе или Бенни. И тут я вспоминаю, что ищу-то я тебя, и спрашиваю, где ты. Всегда один и тот же ответ: «Разве ты не знаешь? Она вернулась. Она снова работает у Франца». И я чувствую такое отчаяние... Знаю, что должен вызволить тебя оттуда, но не знаю как. А когда просыпаюсь, проходит какое-то время, прежде чем я понимаю, что нахожусь дома и с тобой все хорошо.

– Почему нам все время снится это место? В чем мы так застряли?

– Да ну, мои кошмары пройдут. С твоими будет посерьезнее... Пожалуйста, сходи к специалисту. Ведь Освальд почти изнасиловал тебя. Тебе нужна психологическая помощь.

– Они просто скажут мне, что я страдаю стокгольмским синдромом, раз не могу выбросить его из головы. Я не в состоянии слушать эти бредни.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Почему никто не скажет: «Как здорово, что те-

бе удалось уйти оттуда и засадить его за решетку»? Нет, все только спрашивают, сколько раз он насиловал меня в офисе.

– Но ведь он этого не делал? – с ужасом спросил Беньямин.

– Нет, и ты это прекрасно знаешь.

– Пожалуйста, сходи к психологу, дорогая моя. Хотя бы попробуй – один раз.

И София пообещала ему. Но поход к психологу так и не состоялся.

5

Анна-Мария с трудом могла сосредоточиться на дороге. Осознание того, что скоро она вновь увидит его, вызывало головокружение. К тому же эта встреча должна была стать решающей. Теперь, когда он находился за колючей проволокой, предстояло заложить основу для дальнейшего сотрудничества. В каком-то смысле она станет для него связующей нитью с миром за пределами тюрьмы – мысль о том, что он попадет в зависимость от нее, опьяняла.

Вдали показались изгибы колючей проволоки, а потом открылся вид на долину и здания пенитенциарного учреждения Скугоме. В окружении осеннего леса, окрашенного в янтарные цвета, тюрьма казалась особенно суровой в своем бетонном обличье. Серая, безликая и уродливая. Анна-Мария бывала здесь и раньше. Преступники, совершающие преступления на сексуальной почве, – ее специализация. Их образ мыслей она понимала, могла следить за их рассуждениями.

Парковка показалась ей на удивление пустой, хотя было время посещения. Припарковав машину, Анна-Мария пошла к входной двери и представилась. Глухо зажужжал замок, калитка отворилась. Дойдя до пропускного пункта, адвокат отдала удостоверение личности, положила мобильный телефон в ячейку с запирающейся дверкой и обменялась

несколькими вежливыми фразами с сотрудницей, сидящей на вахте, которую тут же узнала, – Хельгой Маклин. Хельга проработала здесь много лет. Круче самого дьявола.

– Уж так-то он тебя ждал, – сказала она.

– Но я ведь приехала вовремя.

– Ты же знаешь, какой он, – ответила Маклин и чуть заметно улыбнулась.

Оглядев ее, Каллини осознала, что у Хельги красивые глаза. словно холодный нож вонзился в ее сердце. Но здесь ничего такого произойти просто не могло. Впрочем, когда имеешь дело с Францем, ни в чем нельзя быть уверенной... Анна-Мария сделала глубокий вдох, пытаясь отогнать неприятную мысль.

Другой охранник встретил ее в коридоре, где располагались комнаты для свиданий, и провел ее в комнату, расположенную где-то посередине. Когда он открыл дверь, то при виде Освальда у Анны-Марии перехватило дыхание. Казалось, он уменьшился в размерах – в серой бесформенной одежде, сидящий в низком желтом кресле. Франц Освальд в уродливых серых трениках... совершенно невыносимо. Но тут он поднялся – и мгновенно вернул себе все свое обаяние. Она растерялась, хотела обнять его, однако знала, что Франц Освальд – человек, избегающий проявлений нежности.

– Нет, ты себе представляешь? – воскликнул он, указывая на кресла. – Нам придется сидеть на этой ужасной мебели для карликов... Но садись, пожалуйста.

Поставив сумочку на боковой столик, Анна-Мария опустилась в кресло. Освальд остался стоять, разглядывая ее с горькой улыбкой на губах.

– Как дела, Франц? – спросила она. – Как ты?

– А как ты думаешь? Я же сказал, что буду образцовым заключенным. Записался во все эти проклятые учебные группы и на все курсы. Убиваюсь, как последний раб, в жарком помещении у стиральной машины, которую они купили за шесть миллионов. Да-да, все прелестно... Мы не могли бы наплевать на выражения вежливости и сразу перейти к делу?

Только теперь Анна-Мария заметила аккуратную стопку бумаг, лежащую на столике, стоящем между двумя креслами.

– Это план, о котором я говорил, – заявил Освальд. – Всё до мельчайших деталей. Ты можешь забрать его с собой. Я распечатал копию. Подробности можем обсудить при следующей встрече. Еще там прилагается список того, что мне необходимо. План разбит на три части. Прежде всего – идиоты из «Виа Терра», которые потонули в дерьме, опустившись до самого низкого интеллектуального уровня. Кто-то должен за ними приглядывать. Потом – книга. Ты свяжешься с издателями, и все такое. И, конечно же, София Бауман. Пора взяться за нее.

Анна-Мария, как и всегда, когда Освальд упоминал Софию Бауман, словно ощутила удар в диафрагму. В такие минуты в его взгляде что-то менялось. Острота исчезала, сме-

няясь жутковатым мечтательным светом. Ясное дело, Анна-Мария хотела неприятностей для этой сучки. Чем хуже, тем лучше. Но надо обязательно прервать эту почти маниакальную заикленность на ней Освальда. Как – этого адвокат пока не знала.

– Но эта София... Правда так необходимо ею заниматься? Ведь после суда она больше не причиняла нам неприятностей. С какой стати нам беспокоиться из-за какой-то нелепой...

– Ты уже начала изучать тезисы? – перебил он.

– Что, прости?

– Я спросил, начала ли ты уже изучать тезисы, о чем я просил тебя.

– Нет, то есть... прошла всего неделя, и я подумала...

– Это объясняет твое наивное отношение к Софии Бауман. Ты даже не понимаешь, в чем суть «Виа Терра», не так ли?

– Нет... то есть я хотела сказать, да. Я все разужнаю. Обещаю. Хотя, если хочешь, мы можем подать в суд на Софию Бауман.

– Подать в суд? Зачем, с какой стати? Не самое веселое занятие.

– За клевету, я имела в виду.

Освальд громко рассмеялся. Отдаваясь от стен, его смех отзвучал в маленькой комнатке глухим эхом.

– Ты вправду глупая? Таких, как София Бауман, надо об-

рабатывать медленно, Анни. Для начала – намеками, но достаточными, чтобы волосы дыбом встали. Мне казалось, я тебе все объяснил... Для начала почитай тезисы. И перечитай «Искусство войны» Сунь-цзы. Ее-то ты читала?

Анна-Мария растерянно покачала головой.

– Что?.. Да ты просто какой-то дилетант, а не адвокат – ты знаешь об этом? – Освальд медленно процитировал твердым голосом: – «Мы должны привлечь неприятеля, симулировать панику, а потом разбить его».

Она поспешно кивнула, хотя не совсем понимала, какое отношение все это может иметь к Софии Бауман.

– Я лишь хотел уточнить правила, прежде чем ты уйдешь, – проговорил Франц. – Никто здесь не имеет права читать, слушать или иным образом узнавать о том, о чем мы говорим, поскольку ты мой адвокат – верно?

– Так точно.

– И ты связана профессиональной тайной и подпишешь соответствующие бумаги о неразглашении.

– Разумеется.

– Отлично, тогда мы договорились.

Освальд наклонился, взял ее под руки и рывком поставил на ноги. Теперь он стоял так близко, что Анна-Мария ощутила слегка горелый запах только что постиранной тюремной одежды – такой не похожий на свежий аромат его одеколona. Тут она вспомнила о маленькой бутылочке, которую прихватила с собой, потянулась к сумочке.

– Я принесла твой одеколон.

Он притянул ее руку к себе и покачал головой.

– Плевать. Мне все равно не разрешат тут им пользоваться. Может быть, когда мне дадут увольнительную... но это будет не скоро. Кроме того, после каждого визита нас заставляют устраивать стриптиз. Но это ты и сама должна знать.

– Ах, прости, я забыла...

– Раздеваться догола, – продолжал Франц. – Их охранницы тоже смотрят, – добавил он и ухмыльнулся.

Зажав обе ее руки железной хваткой, он теснил ее назад, пока она не прижалась спиной к стене, подошел так близко, что почти невозможно стало дышать. Ее охватило хорошо знакомое чувство возбуждения, пульсация внизу живота. Когда Освальд наконец прижался к ней всем телом, Анна-Мария застонала от страсти. Франц поспешно зажал ей рот рукой, а второй сдавил горло.

– Пока еще рано нарушать здешние правила. Придется тебе потерпеть, – шепнул он ей на ухо.

– Мне нравится... – выдавила она.

– Тсс! – шепнул он и еще сильнее сдавил ей горло. – Я знаю, как тебе нравится...

6

Об одном Симон не упомянул, когда они вместе обедали в последний день суда. На самом деле это было всего лишь ощущение, возникшее у него, когда он проходил однажды утром мимо усадьбы: там что-то происходит.

Через пару недель после суда он отправился туда снова. Стоял конец октября. Сырой холодный ветер пробирался под одежду. Небо казалось свинцово-серым, а осенние листья пестрели желтым и оранжевым. От деревни к тому месту, где располагалась «Виа Терра», вели две дороги: автомобильная, идущая по восточной стороне острова до самой гравийной дорожки, бегущей напрямую к усадьбе, и короткая дорога через лес по маленьким тропкам, летом обычно заросшим травой.

Уже начинало темнеть, так что Симон выбрал автомобильную дорогу. Он шагал медленно, засунув руки глубоко в карманы и насвистывая себе под нос. По дороге не проезжало ни одной машины. Теперь, когда сезон закончился и отдыхающие разъехались, остров казался пустынным. Спустилась удушливая темень – ни луны, ни звезд, только тяжелое покрывало, скрывшее дорогу. С моря дул свежий ветер, вода по правую сторону от Симона шипела и пенилась. Парочка чайк парила на ветру, загадочным образом следуя точно за человеком. Поднимаясь по гравийной дорожке, ведущей к

«Виа Терра», он увидел могучий фасад усадьбы, поднимающийся к небу. Белые очертания отчетливо виднелись в темноте. В окнах не горел свет. Все тихо и пусто. Хорошо, значит, ему просто показалось.

Усадьбу ограждал забор высотой в три метра с электрической изгородью наверху. Главный вход представлял собой массивные железные ворота, рядом с которыми стояла будка охранника. Подойдя к воротам, Симон обнаружил, что рядом с будкой, где обычно сидел охранник, стоит мотоцикл. Странно. Симон был почти уверен, что в прошлый раз не видел там никакого мотоцикла. Тот был прикреплен цепью. Да ведь это байк Бенни, на котором тот обычно объезжает участок... Симону стало любопытно. Он попытался открыть ворота, но те оказались заперты. Тогда Симон прошел вдоль стены к небольшой калитке, выходящей в сторону леса. Она также оказалась заперта. Ею иногда пользовался Франц Освальд – ключи были только у него. В тот день, когда полиция штурмом взяла усадьбу, он выскользнул через эту калитку, убежал к морю и спрятался в гроте.

Симон снова поднял глаза на усадьбу – и тут увидел вымпел, трепещущий на ветру. Это был флаг «Виа Терра» – зеленый с белым, символизирующий власть природы над человеком. Тут Симон почуял неладное – в прошлый раз никакого флага на флагштоке не было.

Стена слишком высокая, чтобы заглянуть через нее. Но первый осенний шторм уже повалил несколько деревьев. С

большим трудом Симон подтащил упавшую березу и прислонил ее к стене. Взобрался на нее, поскользываясь пару раз, но в конце концов дотянулся руками до верхнего края. Взглянул на двор по другую сторону – и увидел, что перед входом стоит большой грузовик. В кузове теснились мебель и чемоданы. Двое парней, которых он не знал, втаскивали в дверь большой комод.

Кто-то въезжал в здание.

Симон снова слез, убрал дерево от стены и положил на землю. Снова подергал ручку калитки, чтобы еще раз убедиться. Калитка однозначно была заперта.

Когда Симон повернул в сторону дома, было уже так темно, что он едва различал дорогу, чтобы не свалиться в канаву. Шел, пробираясь почти на ощупь. Тут его внезапно ослепил свет фар проезжающей по дороге машины. Прикрыв глаза рукой, он все же успел разглядеть фигуру, сидящую за рулем. Женщина. Острые черты бледного лица показались ему знакомыми. Анна-Мария Каллини, адвокат Освальда... Симона охватило такое любопытство, что он даже задумался, не вернуться ли и не пошпионить ли за ней. Но потом решил, что всему свое время. Для начала надо понять, как проникнуть внутрь.

* * *

В тот вечер Симон долго сидел в интернете. К тому мо-

менту, как он закончил, ему уже было известно все о том, как поменять замо́к. На следующий день была суббота. Осмотрев свои теплицы, он сел на паром, идущий на материк, и закупил все необходимое.

Когда стемнело, Симон снова направился к усадьбе. На этот раз он не сомневался – там никого нет. Окна здания были темные, стояла тишина – только в лесу то и дело ухала сова. Зайдя с задней стороны, Симон повесил фонарик на дерево, направил свет на калитку и принялся за дело. Чтобы сменить замок, ему понадобилось часа два. Теперь он сможет зайти в усадьбу, когда ему захочется. Но до того надо сделать еще одно дело...

Напевая, он пустился в темноте в обратный путь, проводя лучом фонарика по кронам деревьев. Слепил сову – и рассмеялся, когда она уставилась на него. Но тут птица закричала и кинулась на него; пролетела так быстро и так низко, что чуть не задела когтями волосы, а поток воздуха от ее крыльев ударил ему в лицо. Симон вскрикнул, уронил фонарик – и внезапно оказался в полной темноте. Некоторое время он ползал по гравийной дороге, пытаясь нащупать фонарик, пока не нашел его.

Всю оставшуюся дорогу его не покидал страх; в животе все сжалось. Симон подумал, что сова, наверное, дурное предзнаменование. Предупреждение, что ему лучше держаться подальше от «Виа Терра». Но Симон понимал: то, что он собирается сделать, исключительно важно.

Вернувшись в свой домик, расположенный на территории пансионата, Симон уселся за компьютер и послал мейл Софии. Иногда они переписывались – точнее, когда он находил в себе силы доползти до компьютера и выйти в интернет.

«У тебя есть адрес Эллиса? Нужен совет профессионала по поводу моего компьютера», – написал он.

Эллис был бывшим парнем Софии, с которым она встречалась до того, как попала в секту, – компьютерный гений, преследовавший ее и выкладывавший в Сети всякие гадости про нее. Однако существовали и смягчающие обстоятельства: когда София сбежала из «Виа Терра», Эллис пришел ей на помощь, взломав компьютер Освальда и раздобыв доказательства.

В тот же вечер она переслала Симону адрес Эллиса и рассказала, что только что получила работу и сняла квартиру. Симон почувствовал, как внутри у него потеплело. Послал ей ответ, поздравив с новой работой, но ничего не рассказал о своих находках на территории усадьбы. Не хотел тревожить Софию, когда она так рада.

Он написал Эллису и рассказал, в чем суть дела. На следующее утро пришел ответ. Эллис готов помочь ему за символическое вознаграждение. Такого рода фальсификации на самом деле противозаконны, но, ради бога, если это как-то поможет Софии, он это сделает.

Конверт от Эллиса пришел через несколько дней. Внутри лежало письмо с «шапкой» полиции, адресованное жи-

телям «Виа Терра». Там вкратце сообщалось, что во время рейда полиция была вынуждена выломать замок, но теперь заменила его за свой счет и что к письму прилагаются ключи от калитки. Симон достал конверт и написал адрес усадьбы. Замок, который он установил, имел три ключа. Два Симон положил в конверт, а один оставил себе. Запечатал конверт, решив отправить его в следующий раз, когда будет на материке. От осознания своей дерзости у него даже закружилась голова.

* * *

С этого момента Симон ходил проверять усадьбу раз в неделю, обычно в выходной день. Пробирался через лес к калитке и открывал ее своим ключом. Внутри рядом со стеной в этом месте находился небольшой участок леса, прилегающий к открытой площадке перед домом. Стоя тихо и неподвижно, Симон оставался незамеченным.

Иногда он сначала спускался к морю, садился на скале и размышлял. По ночам над островом начал собираться туман. Воздух стал холодным и влажным. Симон считал, что ландшафт на побережье прекраснее всего, когда затянут туманом. Никаких теней или резких отражений. Мягкая неподвижность. Это зрелище так его успокаивало, что он почти засыпал, но мысли все равно уносились в усадьбу.

После той поездки на пароме, когда Мадлен заговорила

о создании новой группы, Симон подумал, что эти люди будут встречаться на материке – предаваться воспоминаниям, писать трогательные письма Освальду в тюрьму... Ему и в голову не пришло, что они могут вернуться на остров. И ему не нравилось, что они снова появились там. Совершенно не нравилось.

* * *

Однажды утром в начале ноября из-за стены слышались голоса. А потом – звуки, напомнившие Симону о временах «Виа Терра». Скрежет ног по гравию, обрывки фраз – редкие минуты перед переключкой, до того, как начнется нечто серьезное.

Стало быть, они снова начали проводить свои собрания. «Просто бред какой-то, – подумал Симон. – Как это возможно? Им должно быть запрещено законом возвращаться сюда и снова затевать все это дерьмо».

Движимый любопытством, он зашел с задней стороны и проскользнул в калитку. Теперь, когда с деревьев облетели листья, ему приходилось прятаться за большим стволом дерева.

Они стояли, построившись шеренгами. Человек двадцать пять – тридцать, половина бывшего состава. Мадлен и Буссе стояли перед строем, Катарина, Анна, Бенни и Стен – в первом ряду.

Буссе проповедовал что-то о приоритетах. От его голоса Симона охватило смутное беспокойство, словно вся кожа вдруг зачесалась.

Им удалось собрать какую-то форму – все были одеты в серое, но куртки на многих сидели мешковато, а брюки были коротковаты. Вид у всех усталый и потрепанный. Совсем не та крутая команда, которую он помнил. Но стоять вот так и слушать Буссе – насколько это весело? Чудилось какое-то противоречие между неуклюжими серыми фигурами и флагом «Виа Терра», свободно полоскавшимся на ветру. Но, как бы то ни было, они вернулись из небытия.

Несчастье случилось в день Рождества. Симон отяжелел после обильного рождественского ужина в пансионате и вышел прогуляться, чтобы слегка размяться. Выйдя на гравийную дорожку, ведущую к усадьбе, он заметил у ворот «Скорую помощь» и две полицейские машины. На дороге собрался народ. Не желая, чтобы его узнали, Симон спрятался в лесу. Из ворот вышли двое мужчин, неся носилки, покрытые серым одеялом. Они сели в машину «Скорой», которая включила сирену и пронеслась мимо него по дороге. Похоже, произошло нечто серьезное.

Толпа любопытных начала рассеиваться, и Симон заметил паромщика Эдвина Бьёрка, идущего по дороге. Он вышел из леса и подошел к Бьёрку.

– Привет, Симон! – сказал паромщик. – Опять началась дьявольщина... Представляешь, эти идиоты вернулись!

– Даже представить себе не могу. Но что там случилось?

– Точно не знаю. Кого-то вынесли под одеялом. Поговаривают, что самоубийство.

В тот день Симону не удалось больше ничего разузнать. Он ни на чем не мог сосредоточиться, пытаюсь понять, кто же лежал на носилках. Ему обязательно нужно было это выяснить, так что утром на второй день Рождества он снова отправился туда. Проскользнул в калитку и спрятался за дубом. Во дворе собрались сотрудники – они стояли повесив головы, как унылая серая масса. Перед ними стоял Буссе, держа в руках стопку бумаг. Говорил он настолько громко, что до Симона в его укрытии долетали отдельные слова – «никакой паники» и «работать как обычно».

Когда Буссе стал раздавать бумаги, налетел порыв ветра и вырвал у него из рук несколько листков. словно бабочки, они разлетелись по двору, приземляясь то тут, то там на увядшем газоне. Взгляд Симона остановился на одном листе, который несся в его сторону, но тут подбежала Анна и подхватила бумагу. Когда все листы были собраны и розданы, сотрудники разошлись.

Якоб, ухаживавший за животными, один из немногих друзей Симона, поплелся к скотному двору. У Симона сердце сжалось от сострадания – Якоб казался таким подавленным...

Как раз когда Симон уже собирался выскользнуть за калитку, его внимание привлекло что-то белое, лежащее на ку-

че сосновой хвои. Он лег на живот, ползком подобрался к куче и потянул за это белое. Лист бумаги, который тут же был спрятан под курткой.

Только вернувшись домой, Симон прочел, что было написано на листке. Основные моменты плана. Моменты, которым следовало уделить внимание на территории усадьбы. Ремонт, закупки, уборка зданий. Он ухмыльнулся, прочтя: «... найти кого-нибудь, кто занялся бы посадками». Стало быть, они обустривают усадьбу, к чему-то готовятся... К возвращению Освальда? Вряд ли. Ему еще долго сидеть. Но тут Симону пришла в голову мысль, что Освальд может управлять деятельностью секты из тюрьмы.

Тут его внимание привлек самый последний пункт на странице, чуть отделенный от других. Своего рода размышление.

«София Бауман?»

Просто имя со знаком вопроса.

София как раз собиралась пойти и лечь в постель. Положив мобильный телефон и ключи на столик, она выключила телевизор и пошла в ванную, чтобы почистить зубы. Плотнее запахнулась в халат, надетый поверх ночной рубашки, – январский холод просочился сквозь рамы. Когда раздался звонок в дверь, она поначалу подумала, что Беньямин опоздал на поезд. Но он всегда звонил три раза. А тут краткий, требовательный звонок. А потом послышался звук подошв, нервно шаркающих по каменному полу на площадке лестницы.

София подошла к двери, посмотрела в глазок – и тут же узнала Эльвиру. За ничтожную долю секунды настроение у нее упало. Единственное, что связывало их с Эльвирой, – это «Виа Терра», и она догадывалась, что девушка пришла не по старой дружбе. Кроме того, выглядела она ужасно: волосы сальные, на лице грязные пятна от растекшейся туши, вся в черном и такая бледная, что кожа казалась зеленой при скудном освещении на лестничной клетке.

В голове у Софии сразу возникло несколько вариантов. Стоять тихо и беззвучно, пока Эльвира не уйдет. Приоткрыть щель для писем и крикнуть, что она больна чем-то заразным типа ротавируса. Или приоткрыть дверь и объяснить, что у нее просто нет сил. «Ничего личного, но я оборвала все связи с „Виа Терра“».

Этот краткий момент перед дверью, ныне казавшийся вечностью, вызвал у нее ощущение дежавю. Ей и раньше доводилось поспешно принимать ответственные решения. И всегда все кончалось плохо.

Воздух в маленькой квартирке словно застыл. Слабый шум уличного движения за окном стих, словно его выключили невидимой кнопкой. Свет люстры поблек. «Об этом я точно пожалею», – подумала София и открыла дверь.

Впустив Эльвиру в прихожую, она постаралась придумать, как сделать ее визит максимально кратким. Спросить Эльвиру, в чем та нуждается, – в одежде, в деньгах? Помочь ей в том, что не связано с «Виа Терра»...

Снимая с себя пальто, Эльвира разрыдалась.

– Эти подлецы не дают мне пойти на мамины похороны, – проговорила она, всхлипывая.

Но София не услышала ее слов, поскольку, едва Эльвира сняла пальто, все стало странно и дико. В полном изумлении София уставилась на ее живот, огромный, раздувшийся – такой контраст к ее худощавому телу...

Эльвира передернула плечами с выражением отчаяния на лице.

– Это его ребенок? – спросила София, по-прежнему пребывая в состоянии шока.

– А ты как, блин, думаешь? – прошипела Эльвира. – Семь месяцев назад у меня был небольшой выбор парней. Как все может настолько пойти ко всем чертям? Просто невероят-

но...

На ней были черные брюки для беременных и черная майка; в носу появилось кольцо, а на шее – татуировка в виде пчелы. Несмотря на минусовую температуру, у Эльвиры не было ни шапки, ни перчаток, только большое черное пальто поверх легкой одежды и ботинки на ногах.

– Проходи, садись, – проговорила София. – Так что случилось?

Эльвира вошла в комнату и швырнула пальто на диван.

– Папа не разрешает мне прийти на похороны.

– Какие похороны?

– Мамины. Ты что, не знаешь? Мама повесилась.

– Что? По-настоящему?

– А как еще? Ведь никто не вешается понарошку, черт побери!

Это была совершенно новая Эльвира – злая, как пчела у нее на шее.

– Садись и рассказывай. С самого начала.

Девушка опустилась на диван и издала долгий вздох. Огляделась вокруг.

– Отличная у тебя квартира...

София пошла в кухонный уголок и поставила кофе, борясь с охватившей ее тоской и чувством беспросветности. Мона умерла. В памяти всплыли воспоминания о ее первой попытке самоубийства. Тогда Мону настолько затравил Освальд, что она пошла в свою комнату и попыталась пове-

ситься на электрическом проводе, свисающем с потолка. Если б София не заметила отсутствия Моны, та умерла бы еще тогда. Софию никогда не связывали с ней близкие отношения, но сейчас ей стало стыдно из-за того, что Мону так травили в секте. Мать Эльвиры стала для всех удобной мишенью.

Когда София вернулась в гостиную, девушка сидела и смотрела в окно пустым равнодушным взглядом. София поставила чашки с кофе и села рядом с ней на диван.

– Рассказывай все, как есть.

И Эльвира начала свой рассказ. Она начала снова ходить в школу, поселившись в Лунде у своей тетки по отцовской линии. После суда она ни разу не разговаривала с родителями, но это было ожидаемо. Однако на второй день Рождества Андерс позвонил на городской телефон и спросил тетушку. Эльвира узнала его голос и сказала, что тетушки нет дома. Тогда он рассказал все ей. В первый день Рождества Мона повесилась в своей комнате. Она умерла быстро, реанимировать ее не удалось.

– Ты хочешь сказать, что они вернулись на остров? В усадьбу «Виа Терра»? – изумилась София.

– Я смотрю, ты ни хрена не в курсе... Они торчат там уже несколько месяцев. Я точно знаю, потому что они переслали мне оттуда все мои вещи. И папа рассказывал тетушке, что они вернулись на остров. Хотя теперь он и с тетушкой не общается. Из-за того, что она приютила меня.

София ощутила во рту горький металлический привкус – легкую тошноту, которую у нее всегда вызывало упоминание обо всех кошмарах «Виа Терры».

– Но что было потом? Что сказал Андерс?

– Поначалу я вообще ничего не могла сказать, так сильно расстроилась. Но потом спросила про похороны и все такое. И тут папа заявил, что мое присутствие нежелательно. Чертов папашка! Ты представляешь? Сказал, что похороны будут проходить на территории усадьбы и что охрана меня не пропустит.

– Какой ужас, Эльвира! Просто безумие какое-то... Даже не знаю, что и сказать.

– Помоги мне отомстить. Это все, чего я хочу.

– Но не могут же они похоронить ее там, на территории?

– У них будет какая-то своя отвратная церемония, а потом они отошлют тело на материк для кремации.

– И всё?

– А что, по-твоему, мало?

София перевела многозначительный взгляд на живот Эльвиры.

– А, ты об этом... Да, еще одна маленькая проблемка. Не понимаю, как мне закончить школу и одновременно стать мамой.

Глаза ее переполнились слезами, но она крепко закусила нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

София сделала глубокий вдох, которому, казалось, не бу-

дет конца. Строго говоря, ей совсем не хотелось ввязываться в эту историю, но от несправедливости происходящего в голове у нее зазвенело, словно там заработала бензопила. Разве это законно? Разве можно запретить ребенку пойти на похороны собственной матери?

– А он вообще в курсе? – спросила она. – В смысле, по поводу ребенка?

И тут произошло нечто странное. Эльвира расхохоталась. Первый сдержанный смешок мгновенно сменился диким хохотом, от которого она сложилась пополам – насколько это было возможно с таким большим животом. Из глаз у нее потекли слезы. Несколько раз Эльвира пыталась что-то сказать, но снова начинала смеяться. София заразилась ее смехом.

– Так он знает о ребенке? – спросила она наконец.

– Их двое. Двое малявок!

– Что? Близнецы?

– Да, мальчишки.

– Черт подери! Но что же ты собираешься делать, Эльвира?

– Думаю, отдам их на усыновление. Мне даже пятнадцати нет. У меня нет собственного дома. Если я оставлю их себе, моя жизнь пойдет к чертям собачьим.

– Что говорит твоя тетя?

– Она говорит, чтобы я поступала как хочу. При этом дает понять, что не собирается возиться с детьми – это уж точно. Так что мне остается?

– Но разве ты не могла... Когда ты узнала?

– Я не смогла. Все во мне сопротивлялось. Наверное, сказалось мое религиозное воспитание – наверное, я зомбирована или что-то в этом духе. Я пришла в клинику, но, когда они готовы были приступить, я... начала кричать как умалишенная.

– Так он знает?

Эльвира покачала головой.

– Думаю, ты должна сообщить ему.

– Прежде я хотела бы превратить его жизнь в ад. Сейчас он сидит в тюрьме, и ему там наверняка хорошо и удобно. Я хочу что-нибудь сделать. За этим и пришла сюда.

– Но что же ты хочешь сделать?

– Не знаю, София. Просто не понимаю, как можно говорить, что я сама во всем виновата. Он испортил мне всю жизнь, а всем наплевать.

– Мне не наплевать.

София поднялась. Ее мозг работал на самых высоких оборотах. Звенели предупредительные сигналы, но она не обращала на них внимания. Для тех, кто порвал с сектой, как Эльвира, справедливость существует только в словаре, в разделе на букву «С». В жизни ее придется добиваться своими руками.

– Придумала, что мы можем сделать. Кстати, эта идея возникла у меня еще до того, как я сбежала. Мы создадим блог. Назовем его «Во власти секты» или что-нибудь типа того.

Нет, еще лучше: «Дитя секты». Ведь ты была еще ребенком, когда все это произошло. Мы напишем твою историю и распространим этот блог повсюду. Создадим страничку на «Фейсбуке», свяжемся с разными СМИ, и...

Эльвира рассмеялась.

– Круто! Я так и знала, что ты мне поможешь.

– Я знаю человека, которого можно привлечь к этому делу. Свяжусь с ним прямо сегодня вечером, а завтра сообщу тебе.

Вскоре Эльвира ушла. На щеках у нее играл румянец, глаза сияли. Снова пошел снег. София смотрела из окна, как девушка бредет по улице. Снежинки парили вокруг ее головы, словно нимб. Вскоре фигурка Эльвиры исчезла в темноте, недостижимая для света фонарей.

София достала из кармана мобильный телефон и послала эсэмэску Эллису. Потом позвонила Бенъямину и все ему рассказала. Об Эльвире, о детях и самоубийстве Моны. Они разговаривали до тех пор, пока голос Бенъямина не стал тягучим, и она поняла, что ему пора ложиться. Тогда подумала о Симоне, который находится где-то там, на острове. Часы показывали одиннадцать – звонить было поздно. Сначала София подумывала послать мейл, но он обычно отвечал небыстро, так что она отправила ему эсэмэску. Задумалась, знает ли он, как это работает. Ее сообщение было коротким: «Эльвира беременна от Освальда. Мона повесилась. ВТ вернулась на остров. Позвони, когда проснешься».

Ответ пришел почти сразу.

«Должен тебе кое-что рассказать. Можем встретиться?»

В Софии тут же проснулось любопытство.

«Можешь написать мне на почту?»

И снова ответ пришел мгновенно. Видимо, Симон все же знал, как посылать эсэмэски, – и делал это довольно быстро.

«Лучше при встрече».

Сердце подпрыгнуло в груди, ей очень захотелось повидать Симона.

«С удовольствием встречусь с тобой, но на этом %&@#-ом острове ноги моей больше не будет».

На этот раз повисла небольшая пауза, но вскоре в телефоне опять звякнуло.

«Тогда я приеду к тебе в гости».

Вот так получилось, что Симон снова возник в ее жизни.

8

Симона разбудили лучи солнца, проникающие в комнату. Он попытался удержать в сознании ускользающие обрывки приятного сна, в котором на грядках все росло и буйно цвело, потом увидел морозные узоры по краям окна и с тяжелым сердцем вспомнил, что все еще зима.

В телефоне звякнуло, и Симон сразу догадался, что ему пришло сообщение от Софии, но решил не открывать почту до конца рабочего дня. С Софией всегда приятно пообщаться, но она непредсказуема. Ее сообщения требовали полной сосредоточенности, а ему хотелось сейчас спокойно поработать.

Однако через пару часов любопытство взяло свое. Симон достал мобильный телефон и нашел сообщение, в котором была одна-единственная ссылка. Открыв ее, он невольно охнул – фотография производила сильное впечатление. Эльвира, совершенно голая, сложившая руки на груди, чтобы закрыть соски. Обнаженный живот невероятных размеров. Волосы распущены, длинная прядь ниспадает до самого пупка; остальные волосы лежат у нее на спине золотой волной. Глаза подкрашены и кажутся огромными. Рот полуоткрыт, передние зубы лежат на нижней губе. «Дитя секты» – так звучал заголовок.

Обычно Симон не сидел в интернете в рабочее время, но

тут он уселся на перевернутое ведро и прочел блог. Это был рассказ Эльвиры со всеми ужасными подробностями. Особенно страшно было читать о том, *что* Освальд проделывал с ней в помещении на чердаке, как вынуждал ее к сексу с удушением и почти задушил.

Текст был написан по-детски, наверняка самой Эльвирой, с орфографическими ошибками и ругательствами. Но это делало его еще лучше. Натуральнее. Под постом уже появилось несколько комментариев.

В животе забегали мурашки, Симон почувствовал, что вспотел, хотя до этого не ощущал жары в теплице. «Это бомба», – подумал он, предполагая, что резонанс будет огромный. Симон не мог сказать, хорошо это или плохо, но одно знал точно: правда вышла наружу, и Франц Освальд точно не одобрит этот блог. Оставалось только надеяться, что София и Эльвира знают, во что ввязались.

* * *

Поездка в Лунд прошла успешнее, чем он ожидал, хотя путешествовать Симон вообще не любил. В детстве он никогда никуда не ездил вместе с родителями – ведь на хуторе нельзя оставить скотину без присмотра. Но сейчас ему очень хотелось повидать Софию, и к тому же надо было кое-что ей рассказать.

На центральном вокзале Гётеборга Симон подошел к

«Пресс-бюро», чтобы купить газету, и сразу же увидел кричащие заголовки.

**ЗАДУШЕНА И ИЗНАСИЛОВАНА
ЛИДЕРОМ СЕКТЫ**

**– четырнадцатилетняя
девочка рассказывает все**

**ОНА БЫЛА СЕКС-РАБЫНЕЙ
ФРАНЦА ОСВАЛЬДА**

– теперь она вынуждена носить его детей

**ОТПЕЧАТОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ ПРЕБЫВАНИЯ В СЕКТЕ**

**– девочка-подросток
рассказывает все начистоту**

В вечерних газетах история занимала первые полосы, но и

в газете «Гётеборг постен» Симон обнаружил статью об Эльви-
ре. Все издания использовали фотографию из блога, где
большие невинные глаза смотрели прямо в объектив камеры.

Симон сел на скамейку на перроне и стал чесать голову.
Хорошо это или плохо? Он никак не мог определиться. Но
его порадовала мысль, что Освальду будет о чем тревожиться
в тюрьме. К тому же Симон испытывал облегчение – то,
что он собирался рассказать Софии, показалось ему ерундой
в сравнении с этим.

Она встретила его на станции. Волосы у нее отросли почти
до талии. София была без макияжа, в анорাকে с огромным
меховым воротником и в джинсах с большими дырками на
коленях. Посреди зимы-то... Щеки у нее пылали, и Симон
задался вопросом – это от мороза или от радости его видеть?

– Пошли поедим, ты наверняка проголодался.

Он всегда голоден. Она это прекрасно знала.

– Ну ты и устроила заварушку, – сказал Симон, когда они
уселись за столиком в ресторане.

– Очень вовремя, не правда ли?

Он дал ей рассказать первой. София говорила без умол-
ку. На сайте уже больше ста тысяч просмотров. Им писали
другие, рассказывая свои истории. Эльвиру уже пригласили
поучаствовать в телепрограмме, и таких приглашений будет
много.

«Это будет продолжаться пару месяцев, пока у нее боль-
шой живот, – подумал Симон. – И, конечно, начнется неве-

роятная свистопляска, когда родятся дети. Но что она будет делать потом?» Он задумался, как долго можно прожить таким образом.

София сразу заметила, что Симон отвлекся в середине фразы.

– Ты меня слушаешь?

– Ясное дело. Просто трудно переварить все сразу... И что потом? Она отдаст детей на усыновление?

– Эльвира пока не определилась. Но вряд ли она сможет оставить их себе. По-моему, они все время будут напоминать ей о нем, ты согласен?

– Мне кажется, с детьми всё по-другому. Когда родятся, они просто будут сами собой.

София кивнула и взяла руку Симона, лежащую на столе.

– Как я рада снова тебя видеть...

– Взаимно. Хорошо, что вы это сделали. Очень надеюсь, что Освальд прочтет блог.

– Ты ведь что-то хотел рассказать?

– Да. Беньямин приедет? Тогда я расскажу вам обоим сразу.

– Нет, в эти выходные его не будет. Только мы с тобой.

Откладывать дальше уже было невозможно. И Симон рассказал все. О том, как сектанты вернулись на усадьбу, кто там находится сейчас, когда они проводят утренние собрания, о калитке и замке. Выражение лица Софии по ходу его рассказа не менялось. Она лишь иногда кивала, щурила глаза.

за, словно пытаюсь мысленно превратить его рассказ в картины.

– Но это же отлично! – воскликнула она, когда он закончил. – Какой ты молодец, что придумал эту штуку с замком! Мог бы написать мне. Такие новости я в состоянии воспринять. К тому же Эльвира рассказала мне, что они вернулись на остров, так что я уже в курсе.

– И еще вот это...

Симон достал из кармана лист бумаги, развернул его и положил перед ней на стол. И наблюдал за ней, пока София читала. Заметил, как она вздрогнула, дойдя до последнего пункта. Затем ткнула пальцем в бумагу и подняла глаза на Симона.

– Что это может означать, как ты думаешь?

– Не знаю. Все, начиная с того, чтобы послать тебе твои вещи, до того, что они планируют убить тебя.

Он тут же пожалел о последних словах.

– Кто-то из полицейских переслал мне мои вещи. Давным-давно. Я попросила их, потому что не хотела снова туда ехать.

– Ах, вот как... Тогда речь не об этом.

Симон подумал, что София очень красива, пока она размышляла, что может означать эта запись. Черты ее лица смягчились и разгладились; она сидела, глядя в одну точку, словно в трансе. У Софии всегда была такая особенность – во время разговора она могла ускользнуть куда-то в свой

мир. Вот она тут, с тобой, а в следующую секунду унеслась куда-то в мыслях... Симон понимал, что привлекало в ней парней, почему на ней так помешался Освальд. В Софии было столько жизни – в глазах, во всем теле, в движениях, вплоть до кончиков непокорных волос... И все же она могла выглядеть такой спокойной, когда размышляла... Как туман на острове: окружает все, на что обращено ее внимание, и тут же отпускает на волю, додумав мысль до конца.

– Симон, какого черта? Что они имеют в виду?

– Возможно, это вообще ничего не значит, – ответил он. – Ты же помнишь, как там все было. Одна катастрофа за другой. В их распоряжении было больше полугода, чтобы добраться до тебя. Тем не менее ничего не произошло, не так ли?

– Ну да, но ведь теперь появился блог... – Ее взгляд снова устремился куда-то внутрь. – Симон, ты всегда хорошо умел добраться до сути вещей. «Подумай, как он», – так ты говорил об Освальде. Как думаешь, что он делает сейчас?

Симон подумал о блоге, потом об Освальде – и по его спине пробежал неприятный холодок.

– Честно говоря, я думаю, что он просто в бешенстве. В СМИ его изображают как последнюю свинью, и таким образом он узнает, что станет отцом. Подозреваю, что сейчас ему немного не до тебя. Хотя, если вы будете продолжать вести свой блог, то, конечно, будьте готовы к последствиям.

День выдался еще более прекрасным, чем представлял себе Симон. Небо прояснилось, и весь Лунд сиял так ясно, как бывает, когда посреди серого ненастья проглянет солнце. Несколько часов они бродили по городу. София привела его в Домский собор – старинная церковь произвела такое мощное впечатление, что у Симона по всему телу побежали мурашки. В конце концов Софии пришлось буквально тащить его оттуда за шиворот, поскольку он застрял перед средневековыми астрономическими часами у главного входа и не мог оторваться. Несколько раз прочел текст, объясняющий, как работают часы, впитывая в себя мельчайшие подробности: как можно увидеть фазы Луны, положение солнца над горизонтом, рыцарей, скрещивающих свои мечи каждый час, и календарь, продолжающийся до 2123 года.

– А что потом, после две тысячи сто двадцать третьего года? – спросил он Софию.

– Откуда я знаю? К тому времени мы все равно умрем. Пошли.

Потом они гуляли в университетском квартале – София показала ему библиотеку, в которой работала, и рассказала, что здесь выдают на руки полмиллиона книг в год. Когда солнце уже клонилось к западу, они сели на скамейке в парке, и София попросила Симона рассказать обо всем, что он

видел в усадьбе, а отдельные моменты повторить несколько раз. В конце концов они пришли к выводу, что вся эта новая группа – просто ерунда, сборище неудачников, которые даже близко не могут представлять собой никакой угрозы.

София приготовила ему ужин в своей крошечной квартирке. Ночь Симон провел на диване у нее в гостиной, а утром сел на поезд. Перед отъездом он пообещал Софии присматривать за «Виа Терра» и сообщать ей о своих наблюдениях не реже одного раза в неделю.

Плюхнувшись на сиденье поезда и глядя в окно на голый зимний пейзаж, Симон подумал, что не так уж и плохо иногда куда-нибудь съездить.

Статью Анна-Мария увидела случайно. Один из клиентов оставил у нее в холле газету «Экспрессен». Адвокат тут же узнала лицо Эльвиры на первой полосе.

Холодок пробежал вдоль позвоночника, когда она медленно взяла с журнального столика газету и развернула ее. От заголовка ей стало так дурно, что пришлось опереться о стену.

ОНА БЫЛА СЕКС-РАБЫНЕЙ ФРАНЦА ОСВАЛЬДА

– теперь она вынуждена носить его детей

Пока Анна-Мария читала, мир вокруг постепенно терял очертания из-за нарастающего головокружения. И дело не в том, что эта маленькая сучка залетела, – дело в блоге. Существовал блог, о котором Анна-Мария не знала, хотя он был создан несколько дней назад. По договоренности между ней и Освальдом предполагалось, что она будет следить за тем, что о нем пишут в СМИ. Теперь она допустила серьезный промах – оставалось только надеяться, что он не читает га-

зеты. Но Анна-Мария слишком хорошо знала его привычки. Он уже в курсе. Вибрации его гнева доходили от Скугоме до ее кабинета.

Она поняла, что дело не терпит отлагательств. Может произойти все, что угодно. Вероятно, Франц вне себя от ярости. А что, если он даст ей отставку? Решит найти себе другого адвоката? Тяжелые предчувствия осаждали ее, как злые маленькие демоны. Она принялась нервно ходить взад-вперед по кабинету. Ну почему ей всегда не везет! Все шло так хорошо... План Освальда шел как по маслу. Ей уже почти удалось наладить работу с этими болванами из «Виа Терра». Франц даже намекал на более интимные отношения в будущем, причем не раз. И вдруг – такое...

Анна-Мария взглянула на часы. Половина восьмого. Время посещения давно закончилось. Решив, что с этим ничего нельзя сделать, она набрала номер Скугоме. Трубку сняла Хельга Маклин. Каллини приготовилась к жесткому разговору, чтобы убедить ее в необходимости изменить время посещения, но этого не потребовалось.

– Лучше будет, если ты приедешь сюда, – сказала Маклин, едва Анна-Мария назвала себя. – Твой клиент чувствует себя не лучшим образом. Он сейчас на наблюдении.

– Что? Он, случайно, не выказывал суицидальные наклонности?

– Нет, вовсе нет. Но он очень зол. Просто в ярости. Кричал, угрожал нам, мешал работать, так что нам пришлось его

изолировать. И ты наверняка знаешь, в чем причина.

– Эльвира Асплунд.

– Именно. Теперь он требует встречи с ней. Немедленно. Но ты ведь знаешь наши правила. Это не получится.

– Я немедленно выезжаю. Сколько вы будете держать его в камере наблюдения?

– До твоего приезда.

* * *

Всю дорогу до Скугومه у нее в голове звучал голос. Это был ее собственный рассудительный голос – каким он звучал в зале суда. Сейчас этот голос излагал ей свой план: «Просто стой и принимай все, пока его гнев не утихнет. В конце концов он успокоится. Затем ты изложишь свои аргументы, не вступая в конфронтацию». Но потом голос начал издеваться над ней, и она решила, что больше не будет терпеть вечные насмешки. Собственно говоря, кто из них сидит в тюрьме? Пора взять себя в руки, вернуть себе контроль над ситуацией.

Когда Анна-Мария пробралась через все посты и двери и увидела его за стеклянной стеной на отделении наблюдения, ее потрясло его спокойствие. Он сидел, наклонившись вперед, упираясь руками в колени, голова лежала на сомкнутых руках. Только слегка взлохмаченные волосы свидетельствовали о его дурном настроении. В стекле Каллини увидела

свое отражение – ей показалось, что она выглядит усталой и обиженной, но Анна-Мария отбросила эту мысль.

– Пройдите в комнату для свиданий номер семь, я сейчас приведу его, – сказал ей охранник.

Усилием воли она замедлила дыхание и опустила глаза в пол в тот момент, когда Освальда ввели в помещение. Охранник закрыл дверь, оставив их вдвоем. Освальд не стал садиться, а прислонился к стене.

– Я хочу встретиться с Эльвиroy.

– Франц, ты прекрасно знаешь, что это невозможно. Я могу попробовать, но...

– Тогда я хочу встретиться с ее папашей, – прервал он. – С Андерсом.

Отсутствие сопротивления удивило ее и дало ей краткую передышку.

– Это я могу устроить. Он по-прежнему работает в «Виа Терра», так?

– Точно.

– Если ты переживаешь за детей, то я могу...

Освальд издал короткий хриплый смешок.

– Детей? Ты что, полная дура? Ты всерьез думаешь, что речь идет об этих малявках? Но как бы выглядело со стороны, если б крупнейший духовный лидер Швеции бросил своих детей... Это вопрос пиара. Соберись. Мне казалось, у нас одна цель.

– Да, конечно, – поспешно поддакнула Каллини. – Ясное

дело, я все устрою.

– И еще я хочу стать единственным юридическим представителем малявок. Зачем – мое дело.

– Хорошо, я понимаю. Во всем этом я тебе помогу, обещаю.

Анна-Мария так и не смогла отбросить извиняющийся тон. О блоге Освальд пока ни словом не упомянул.

Он протянул руку и подвинул к себе ее блокнот. Взял у нее из рук ручку. Быстро написал в блокноте несколько цифр и снова протянул его ей.

– Позвони по этому номеру. Скажешь, что от меня. Он разберется с этим блогем и кое-чем другим. Ты просто поблагодаришь – и примешь его помощь, понятно? Я полагаюсь на тебя, Анни. Ты знаешь.

Освальд единственный называл ее Анни. С ударением на «а», так мягко и нежно... Произошло чудо. Он больше не сердится на нее.

Его слова вертелись в голове, вызывая счастливое головокружение. *Я полагаюсь на тебя, Анни...*

– Спасибо, Франц. Еще что-нибудь тебе нужно?

– Нет. Сейчас иди и займись всем этим, а я улыбнусь своей самой обворожительной улыбкой, чтобы убедить охранника, что я успокоился. – И Освальд сделал небрежный жест рукой.

Анна-Мария боялась, что волшебство рассеется – и краткий миг доверительности сменится новым приступом яр-

сти. Она поспешила к выходу и, уже закрыв за собой дверь, сделала глубокий вдох – вдох облегчения. Маленький злобный дьявол сделал кувырок у нее в сердце.

Все будет хорошо. Все образуется.

Все началось с того, что блог исчез.

Это произошло во вторую неделю февраля. Возвращаясь с работы и идя через парк, София заметила, что стало светлее. Воздух потеплел. Выхлопы от пролетающих самолетов рисовали полосы на блеклом небе. Вдалеке повисла парочка больших туч – их нижние края окрасились глубоким розовым цветом.

Жизнь шла своим чередом – много работы в библиотеке и масса возни с блогом, когда София возвращалась по вечерам домой. Уже три миллиона просмотров. Каждый день сыпалось столько комментариев, что они не успевали все читать. Эльвира побывала в качестве гостыи во всех мыслимых телепередачах – сидела на диванах со своим большим живо-том и казалась божественно красивой. Никто не сомневался, что она говорит правду. Иногда возникала мысль – как странно, что не последовало никакой реакции от Освальда. У него был на это целый месяц. Но ничего не произошло.

Эльвира ждала ее в подъезде. Пыхтя, она едва дотащи-лась по лестнице до квартиры и заявила:

– Прямо не знаю, как я выдержу еще месяц. Не могу дышать, а эти маленькие существа пихаются так, что я вот-вот лопну... К тому же меня все время тянет спать, и ем как слон.

– Потерпи, скоро все это останется позади. Ты уже реши-

ла, что будешь делать?

Эльвира не ответила.

– Ну что, поработаем немного с блоггом, чтобы ты могла потом пойти домой спать?

– Да, но лучше пиши ты, у меня с этим не очень хорошо.

София села к компьютеру и вошла в Сеть. Нашла ссылку на блог среди своих закладок, но, когда кликнула на нее, блога там не оказалось. «Странно, – подумала она. – Может быть, Эллис убрал его, чтобы провести техническое обслуживание? Возможно, он разросся настолько, что перерос допустимый объем хранилища...» Она решила уточнить это у Эллиса.

– Что такое? – спросила Эльвира с дивана.

– Блог исчез. Мистика... Но это наверняка Эллис что-то с ним делает. Не волнуйся. Я сейчас ему позвоню.

Эльвира вытянулась на диване. Ее веки то и дело опускались, она засыпала. София пошла в кухонный уголок и заварила крепкий кофе, но, когда вернулась, Эльвира уже спала. София позвонила Эллису. С блоггом он ничего не делал – и удивился не меньше ее.

– Должно быть, кто-то его взломал и удалил... Вот сви-
ньи! – воскликнул он.

– Ты можешь узнать, кто это сделал?

– Попробую. Перезвоню.

Ожидая его звонка, София стала искать видеointервью с Эльвирой, выложенные на «Ю-тьюбе», однако нашла только

сообщение от ресурса, что им пришлось удалить видео.

Она сразу догадалась, что это не случайность. Просто чувство, но такое мощное, что ужин буквально перевернулся у нее в животе.

Некоторое время спустя ей позвонил Эллис.

– Кто-то взломал и удалил блог. Думаю, мне удастся сегодня его восстановить.

– Ты можешь узнать, кто это сделал?

– Это будет непросто, но я могу выяснить, где они находились.

София рассказала о видео на «Ю-тьюбе».

– Кто-то надавил на них, вынудив убрать материалы. Мы можем узнать, кто это сделал, связавшись с «Ю-тьюбом». Кстати, я нашел одну штуку, которую ты должна увидеть. Вот, переслал тебе ссылку...

Она вела к другому блогу. Это была имитация их блога, но тут на лице Эльвиры были пририсованы опущенные вниз уголки рта, а на голове росли рога. Название «Дитя секты» сохранилось, но под ним появился подзаголовок: «Правда об Эльвире». Вероятно, те, кто «гуглил» блог Эльвиры, попадали туда. Длинный текст описывал ее как искательницу приключений, сделавшую все, чтобы захомутать Франца Освальда. Стилль был такой вульгарный, что текст вызывал отвращение. К блогу прилагались закладки – там были выложены все обязательства о сохранении тайны, которые подписывала Эльвира, и маленькие отзывы сотрудников «Виа

Терра» о том, какая она ужасная. София подумала, что ни один разумный человек не поверит в эту ерунду, однако все внутри ее сжалось, когда она пробежала глазами текст. Народ будет это читать. Возможно, они не всему поверят, но, так или иначе, это изменит их отношение к Эльвире.

София подошла к дивану и взглянула на девушку, спавшую с открытым ртом. Та чуть слышно похрапывала и видела сны – глаза под веками подрагивали. Внезапно на Софию накатила волна нежности. Эльвира не в состоянии воевать с Францем Освальдом. Она должна позаботиться о себе и детях. Может быть, стоит отказаться от блога, отвернуться от всей этой мерзости, вкладывать силы в настоящую жизнь...

Завершал мобильный телефон – это звонил Эллис.

– В общем, так. Тот, кто потребовал убрать видео, находился на Западном Туманном острове. Большого нам и знать не нужно.

София даже не обратила внимания, что не ответила ему. Все ее внимание сосредоточилось где-то на полпути между мозгом и телефоном. Затылок сжало, как тисками.

– Алло! Ты меня слышишь? По-прежнему хочешь, чтобы я снова выложил блог?

Усилием воли она заставила себя снова сосредоточиться на разговоре.

– Да. Но я хочу попросить тебя оказать мне одну услугу.

– Все, что захочешь.

– Добавь комментарий под фотографией Эльвиры. Напи-

ши, что она берет паузу в написании блога – отпуск по уходу за детьми. А дальше укажи, что на некоторое время блог берет на себя ее подруга София Бауман. Что я буду отвечать на вопросы и все такое, насколько успею.

– Ты уверена, что твое имя должно там светиться?

– На все сто.

– Хорошо. Тогда другой вопрос, София.

– Что?

– Помнишь ту ночь, когда я приехал на Туманный остров и стоял у стены, крича, чтобы они тебя отпустили?

– Как бы я могла такое забыть?

Это произошло, когда София только нанялась на работу в «Виа Терра». Однажды вечером Эллис приплыл на лодке на остров, пьяный в стельку, и стал кричать, стоя снаружи у стены. Требовал, чтобы они выпустили Софию. Получилась ужасно неприятная сцена.

– Все-таки я был прав.

– Да брось! Твои посты, где моя физиономия была прифотошоплена к голым телам, были чудо как хороши... Нет уж, так легко ты не отделаешься. Ты мой должник до конца своих дней.

Эллис рассмеялся. София подумала, как странно порой распоряжается жизнь. В один прекрасный день твой злейший враг может оказаться твоим спасителем.

Эльвира, проснувшись, застонала.

– Что происходит? – спросила она.

София подошла и села рядом с ней. Лоб у девушки вспотел, ноги отекли, на лодыжках тут и там виднелись полопавшиеся сосуды. Ей всего пятнадцать, а она так выглядит... Когда ей на самом деле надо бы ходить в школу, бегать на свидания с мальчишками и строить планы на будущее.

– Они удалили твой блог и создали другой, мерзкий, в который тебе и заглядывать-то не стоит. Эллис сейчас все поправит.

– Я так и думала. В смысле – что они на меня наедут. Даже читать это дерьмо не хочу. Хочу, чтобы меня оставили в покое, хочу избавиться от детей в животе и попытаться выстроить какое-то подобие жизни...

– Понимаю.

– Сейчас мне нужно домой, подготовиться к этому последнему интервью завтрашним утром. Оно будет последним. Больше у меня нет сил.

– Хорошо. Хочешь, я тебя провожу?

– Зачем? Думаешь, они на меня нападут? Атаковать беременную женщину... Да уж, меня это не удивило бы.

– Нет, не в этом дело. Просто хотела составить тебе компанию. На улице темно.

– Да нет, все нормально. Только я должна рассказать тебе одну вещь перед тем, как уйду... – Эльвира покраснела, отвела глаза. – Вчера мне позвонил папа.

– Что? Ты шутишь?

– Нет. Он сказал, что Франц хочет, чтобы я приехала с

детьми на Туманный остров. Что они построят мне на участке маленький отдельный домик. Я буду получать пятьсот тысяч в год. Частные уроки, чтобы я смогла закончить школу. Я могу не общаться с Францем, если не захочу. Он лишь хочет стать юридическим представителем детей. Папа сказал, что интим Франца не интересует, поскольку после рождения детей женское тело очень меняется. Юные нетронутые тела, понимаешь ли... Франца возбуждает только это.

Софии показалось, что пол ушел у нее из-под ног. Во рту пересохло, сердце сжалось в груди. Эльвира заплакала, по ее щекам покатались тихие слезы.

– Проклятие, Эльвира! Ты не можешь на это согласиться!

– Все не так просто. Папа сказал, что есть некоторые условия. Самое важное – я должна прервать все контакты с тобой и Беньямином.

Эльвира прижалась спиной к стене в прихожей и съехала по ней, оказавшись в конце концов на полу. Обхватив руками живот, она стала покачиваться взад-вперед, словно убаюкивая своих неродившихся детей. За несколько мгновений она так побледнела, что под глазами снова проступили черные круги. Слезы капали на живот.

София оперлась о стену, чтобы удержаться на ногах, – слова Эльвиры буквально придавили ее к земле. Она смотрела на живот Эльвиры с нарастающим чувством безнадежности. В чем тогда вообще смысл?

– Эльвира, тебе ни за что на свете нельзя возвращаться

туда.

– Думаешь, все так просто? – всхлипнула Эльвира. – У меня нет никакой жизни, никакого гребаного будущего. Все сломано.

– Он изнасиловал тебя!

– Все было не совсем так. Поначалу мне самой было любопытно. Это потом все пошло вразнос...

– Тебе было всего четырнадцать!

София почувствовала, как ее охватывает отчаяние. Шум в ушах свидетельствовал о том, что она теряет над собой контроль.

– Ты можешь жить у меня. Я помогу тебе ухаживать за детьми. Только не уезжай туда.

Эльвира поднялась, перегнулась через собственный живот и обняла Софию так крепко, что та чуть не задохнулась.

– Ты такая добрая... «Виа Терра» – последнее место на земле, где мне хотелось бы оказаться. Ты и сама понимаешь. Но, может быть, я вернусь, когда родятся дети... Он заберет своих детей, а я получу назад свою жизнь.

– Он этого никогда не допустит.

– Ты не можешь этого знать. Пожалуйста, дай мне все спокойно обдумать.

– Ясное дело, ты должна принять решение сама.

София помогла ей надеть куртку и ботинки. Долго смотрела ей вслед, когда Эльвира, едва волоча ноги, поплелась в сторону центра. Даже сзади виднелся ее большой живот. В

целом же она выглядела как самая обычная девочка-подросток. На улице не было ни души, кроме Эльвиры, которая то исчезала в тени деревьев, растущих вдоль дороги, то снова появлялась. Свет уличных фонарей окрашивал ее волосы в голубой цвет.

Прошло очень много времени, прежде чем Софии удалось снова свидеться с Эльвирой...

В ту ночь Софии снова снился Франц Освальд, но на этот раз он прикасался к ней нежно, как делал вначале. Массировал ей плечи и спину.

Она проснулась в состоянии легкого возбуждения – и дико устыдилась этого. Так и не простила себя за то, что ее тянуло к нему. Испытывала отвращение при мысли, как легко тогда дала себя окрутить. Но потом она подумала, что Освальд остался у нее в сознании, поскольку София так и не выяснила, как он стал таким. Существовала хроника его семьи, которую она разыскивала, когда работала в секте. Но теперь эта хроника у Освальда, так что София никогда не узнает правды.

С глубоким вздохом она поднялась с постели. Тут ей пришло в голову, что она уже три дня не видела Эльвиру. А в следующую секунду ей бросилась в глаза записка на коврике у двери. Маленькая скомканная бумажка, брошенная в щель для писем. Подняв ее, София тут же узнала неровный почерк Эльвиры. Казалось, сообщение написано в большой спешке.

«Прости, я должна подумать о детях».

Только это. Даже без подписи. Но София прекрасно знала, что означают эти слова. Подозрения возникли у нее еще тогда, когда она смотрела в спину Эльвире, удаляющейся в ночи.

София ощутила острую горечь и разочарование. Мысли унеслись к Симону – ей тут же захотелось с кем-нибудь поговорить об этом. Наверное, он работает на грядках... Может быть, стоит послать ему короткое сообщение, прежде чем выйти из дома.

В тот день ей приходилось делать над собой усилие, чтобы сосредоточиться на работе. От боли из-за предательства Эльвиры слезы жгли глаза. Еще ее мучила мысль, что теперь Освальд запустит когти в невинных детей, – и чувство оскорбленного достоинства от того, что он одержал победу.

* * *

Когда в тот вечер она вернулась домой, на ручке ее двери висел полиэтиленовый пакет. Заглянув в него, София сначала даже не поняла, что в нем. Сдержав первый порыв засунуть туда руку, она вывалила содержимое на пол подъезда – и вскрикнула так, что эхо разнеслось по всей лестнице. Это была жаба. Расплющенная и мертвая. Используя пакет как перчатку, София подняла ее с пола, вышла из подъезда и выбросила в кусты, с трудом преодолевая отвращение. Наверное, над ней так подшутил кто-то из детей, живущих в этом квартале...

Она вошла в квартиру и тщательно вымыла руки. Затем села за компьютер и вошла в почту, чтобы посмотреть, нет ли ответа от Симона. В папке «Входящие» лежало письмо

от неизвестного отправителя. Это было подтверждение заказа на 500 крон – за что-то, чего она не заказывала. Какие именно товары, указано не было; сказано лишь «товары для взрослых». София подумала, что это какой-то спам. Открыла следующее сообщение. Оно было от Симона. Он написал: «Это ты?» в ответ на письмо с ее адреса, состоявшее из длинного списка бранных слов и названий половых органов. Уже само то, что он подумал, будто она могла такое написать, воспринималось как оскорбление. Итак, кто-то взломал ее почту...

Открыв папку «Отправленные», София обнаружила, что ее худшие опасения подтвердились. Ее друзьям и знакомым ушло несколько нецензурных сообщений. Быстро зайдя в личный кабинет в своем банке, она увидела, что с ее счета списалось пятьсот крон – в уплату за эти самые «товары для взрослых», заказанные, судя по всему, у поставщика в Великобритании.

Понимая, что надо разобраться в ситуации немедленно, София занервничала – руки у нее дрожали, и она несколько раз набирала не тот номер, прежде чем дозвонилась в банк и попросила заблокировать ее счет. Потом разослала извинения всем, кто получил письма с ругательствами – включая своих родителей и начальницу в библиотеке. Она похолодела при мысли, что подумает ее начальница, Эдит Бергман, читая этот мерзкий текст. Затем создала новый почтовый ящик и новый пароль и разослала адрес всем своим кон-

тактам. Плюхнувшись на диван, почувствовала себя совершенно измотанной – казалось, она сейчас упадет в обморок.

Что-то тут не сходится. Если кто-то взял на себя труд взломать ее банковский счет, чтобы украсть деньги, то зачем бы ему ограничиваться пятьюстами кронами? Да еще жаба на двери... Тут что-то другое. А на всем свете у нее один-единственный враг...

Осознание того, что в ее жизни начался ад, достигло глубин души и заставило ее похолодеть. София устремила взгляд в окно – ей показалось, что там маячит какой-то силуэт. Она жила на первом этаже – весьма удобно в доме без лифта, – но теперь поняла, что с улицы за ней может наблюдать кто угодно.

София подошла к окну, но там никого не было. Она попыталась понять, что же произошло. Почему они решили добраться до нее теперь, спустя полгода? Они выкупили Эльвиру, что еще им нужно? Впрочем, в удаленном блоге она была означена как главный ответственный за него...

Сообщения с электронной почты оставили горькое послевкусие. Эти люди писали их с единственной целью – вызвать отвращение. Тот, кто это сделал, не умен; скорее даже настолько туп, что совершенно не разбирается в средствах воздействия. Перед мысленным взором Софии встали Бенни и Стен, охранники из «Виа Терра».

Едва удалось успокоить пульс, как ее заставил вздрогнуть резкий звонок в дверь. Посмотрев в глазок, София увидела

соседку – женщину лет за восемьдесят, которая обычно любезно улыбалась, когда они сталкивались в подъезде. На ее двери висела табличка «Альма Петерссон». Впрочем, сейчас она не выглядела любезной. Скорее сердитой.

София открыла дверь.

– Дурацкая шутка, – заявила Альма, держа перед носом Софии коробку.

– Простите, я не понимаю...

– Не притворяйся дурочкой!

София заглянула в коробку и увидела большой, реалистично выполненный вибратор, уложенный на подстилку из шелковой бумаги. Соседка достала из коробки открытку и протянула ее Софии.

«От Софии из квартиры № 1, чтобы не скучать по вечерам».

В животе все перевернулось, во рту появился привкус желчи – как прелюдия к внезапному приступу рвоты.

– Боже мой! Это недоразумение... Кто-то взломал мой банковский счет...

Но пожилая соседка, похоже, не очень понимала, что такое «взломать банковский счет». Она с грохотом поставила коробку у ног Софии, развернулась и похромала обратно в свою квартиру. София покраснела до ушей. Она едва успела подбежать и вставить ногу в дверь, не давая ей закрыться – мысль о том, что пожилая дама будет такое о ней думать, показалась ей невыносимой. У нее потекли слезы, она

чувствовала себя глупо и униженно. Всхлипывая, объяснила Альме, что ее преследует секта, что сама она никогда никому не послала бы такие гнусные вещи. Несколько раз попросила прощения.

Все закончилось тем, что Альма пригласила ее к себе выпить кофе, с большим вниманием выслушала ее рассказ и пообещала посматривать, не появятся ли в их квартале подозрительные типы. Пока они сидели и пили кофе в уютной кухоньке, у Софии отлегло от сердца.

Однако, когда она пришла в свою квартиру, страх вернулся. Небо за окнами утратило яркость, комната погрузилась в мрачный полумрак. Стояла такая тишина, что звук работающего холодильника создавал впечатление, будто через квартиру проходит скоростная трасса. София позвонила Беньямину, который так разозлился, что обругал Освальда последними словами и пообещал немедленно сесть в машину и приехать к ней. Однако София заверила его, что вполне продержится до пятницы, когда он приедет к ней, как обычно.

«Надо просто обратить все это в позитив, – подумала она. – Я подружилась с соседкой и завела новый адрес электронной почты, так что не буду получать спам. Меня им не сломить».

Однако квартира все равно казалась какой-то пустой и зловеще тихой.

София попыталась дозвониться Вильме, которая получила работу в модном журнале в Стокгольме, однако попала

на автоответчик. Впервые с тех пор, как ушла из секты, она почувствовала себя одиноко. Постоянное пребывание с другими людьми в «Виа Терра» происходило по принуждению, так что обычно София наслаждалась возможностью побыть наедине с собой. Но теперь одиночество заставило ее задуматься, не съехаться ли ей с Беньямином. Хотя пока она все же не готова примириться с его спонтанностью. София представила себе, каково это будет – его одежда, валяющаяся по всему полу, дверцы шкафов нараспашку, храп, аккомпанирующий ее снам по ночам...

Тогда она решила написать Симону, выплеснуть свой страх, облегчить душу. Описала, как ее стали травить, и предложила созвониться на следующий день. Потом заметила, что уже перевалило за полночь, надела пижаму и почистила зубы, глядя в свои собственные перепуганные глаза в зеркале над раковиной. Только тут София почувствовала, насколько устала. Подошла к входной двери, еще раз убедилась, что все заперто, и погасила весь свет, кроме настольной лампы в гостиной.

Только когда она забралась под одеяло, до нее наконец дошел смысл произошедшего. Все произошло так быстро... Самый обычный рабочий день. Жизнь казалась совершенно нормальной до того момента, когда София увидела на ручке двери пакет. «Это просто безумие, – подумала она. – Кем надо быть, чтобы послать искусственный пенис восьмидесятилетней женщине? Что это за люди, с которыми я имею де-

ло?» Ледяной холод распространился по телу, пробежал по каждому нерву. Хуже всего было понимание того, что такие люди не остановятся ни перед чем. Перед глазами опять возник ящик с пенисом... Проклятие! Он так и остался стоять у ее двери. А что, если кто-то другой из соседей увидит это? Поспешно накинув на себя халат, София вышла за дверь, взяла ящик и отнесла к мусорному контейнеру за домом. На улице было зверски холодно. Хотя зима еще не закончилась, где-то вдалеке погромы хивала гроза. По затылку побежали мурашки. София резко обернулась – никого.

Открыв контейнер, она сразу же увидела пакет с мусором, который выкинула утром по пути на работу. По пакету шел большой разрез, напоминавший кесарево сечение. Кто-то рылся в ее мусоре. Из разреза торчали остатки вчерашней вермишели вместе с пустой упаковкой от тампонов. Внезапная тошнота подкатила к горлу, заставив ее согнуться пополам. Зрелище было столь отвратительное, что Софии пришлось опереться рукой о контейнер, и ее вырвало.

Анна-Мария с первого взгляда невзлюбила парня, выступавшего в роли посредника: за то, как он смотрел на нее – словно на неодушевленный предмет, – за то, что заставлял ее ждать на лестнице и никогда не приглашал в квартиру, за высокомерную манеру кивать свысока. Ведь она – правая рука Освальда, а этот парень обращается с ней как с посыльным...

Его поведение снова раздуло огонь ревности, который не угасал ни на минуту. Она начала ломать голову, не наговорил ли Франц о ней каких-нибудь гадостей. И вообще, почему этот придурок не представился? Ведь у него должно быть имя, черт подери! Так ведь нет же, стоит на лестнице в тапках и драных джинсах и зевает... Вид у него такой, словно он только что вылез из постели: взлохмаченные волосы, пустой взгляд... Злость по поводу того, что Франц выбрал этого лузера в качестве своего посредника, подтачивала Анну-Марию изнутри.

И еще ее бесили конверты, которые передавал ему Освальд. Имени адресата нет, только адрес квартиры. Однажды Анна-Мария зашла по пути с конвертом в свою квартиру и подержала его под сильной лампой, но все же не смогла разобрать буквы. Только узнала почерк Франца на вложенных листах.

Сейчас она сидела на балконе и размышляла, как сделать так, чтобы Франц отказался от услуг этого парня. Время от времени в голове возникала одна и та же мысль: «Что со мной такое? Какой смысл влюбляться, если это причиняет такую боль?»

Последние тусклые лучи солнца скрылись за горизонтом. В воздухе запахло дождем. Анна-Мария сделала глубокий вдох, наслаждаясь свежестью, – но тут ее снова поглотили размышления. Погрузившись в нервное перемалывание одного и того же, она потеряла счет времени.

Слишком поздно она осознала, что ей давно уже надо находиться на пути к Скугоме. Поездка была окутана туманом страха. Анна-Мария понимала, что Освальд будет вне себя из-за ее опоздания. Она внушала себе, что со временем все станет легче. Когда его выпустят из тюрьмы. Тюрьма кого угодно загонит в стресс. Анна-Мария начала фантазировать о будущем, представляя себя под руку с ним на приемах и вечеринках в свете прожекторов... Свадебные фотографии в дамских журналах, как они нежно соприкасаются носами...

Однако эти фантазии не могли смягчить страх, так что Анна-Мария попыталась придумать убедительную ложь, оправдывающую ее опоздание. Как-никак на неделе произошли кое-какие действия в «Гугле» по поводу Софии Бауман. Ничего конкретного, но все же...

Запахавшись, она влетела на пропускной пункт. На этот раз там дежурил охранник, молодой и немного рассеянный,

и Анна-Мария испытала облегчение – ей все чаще казалось, что проницательные глаза Маклин видят ее насквозь. Охранник поднял руку, заканчивая телефонный разговор.

– Франц Освальд покинул комнату для свиданий, – сказал он ей. – Продав четверть часа, он попросил разрешения вернуться к учебе.

– Проклятие... Мне очень надо поговорить с ним сегодня.

– Мы можем спросить, но не можем его заставить.

– Понимаю. Скажите ему, что мне пришлось улаживать кое-что, связанное с его делом, – солгала она. – У меня есть информация, которая его заинтересует.

Охранник тяжело вздохнул.

– Хорошо, но будет лучше, если в следующий раз ты придешь вовремя. Время свиданий почти закончилось.

Он повернулся к телефону и снова позвонил.

– Он придет через некоторое время.

Освальд заставил ее ждать пятнадцать минут. Когда охранник проводил ее в комнату свиданий, Франц уже сидел там со злым блеском в глазах.

– Чего ты хочешь?

– Прости, что тебе пришлось ждать, но на моем «Гугл-алерте» возникла София Бауман. Я подумала, что лучше прочитать все это, прежде чем приеду сюда.

– Так-так... Что-то конкретное?

– Нет, пока не очень. Только посты в «Фейсбуке» и все такое... Она пишет об Эльвире. Типа, как ужасно, что она

вернулась в «Виа Терра».

– Она упомянула мое имя?

– Что, прости?

– Ты слышала, что я сказал? Она упоминала меня? Мое имя. Франц-гребаный-Освальд.

– То есть... я точно не помню. Кажется, да. То есть не совсем напрямую, но намекает...

– Заткнись.

– Что-что?

– Хватит трепать языком. Думаешь, я не вижу, что ты лжешь мне прямо в лицо?

Франц провел пальцами по волосам неосознанным, так хорошо знакомым ей жестом. Но только теперь Анна-Мария впервые осознала, что это движение обычно является вступлением к припадку ярости. На щеках у него надулись желваки. Глаза потемнели, проявилась морщинка между бровей.

– Ты ни черта не контролируешь происходящее. Сколько там я плачу тебе в час? Чтобы ты тут сидела и врала мне? Полный бред, черт подери...

Голос его звучал неприятно и резко. Когда на него находит такое настроение, он передергивает все, что бы она ни сказала, и все обращает против нее. Лучше промолчать, пока он не успокоится.

– Я хочу знать всё. Всё. Поняла? Каждый комментарий. Каждую идиотскую фотографию, которую она выкладывает. Каждый дурацкий смайлик в ее тупых постах. Всё до послед-

ней точки.

На мгновение в голове у Анны-Мариин наступила полная тишина. Двигающиеся губы Освальда превратились в беззвучное отверстие. Казалось, кто-то крепко сдавил ей грудную клетку. Она услышала собственное дыхание через нос, услышала биение пульса, мягкое и стабильное. Давление на грудную клетку отпустило, осталось лишь легкое головокружение. Каллини прислонилась к стене, потому что ноги стали как ватные. Помещение вокруг угадывалось слабо; голос Освальда словно отдаленное жужжание. Анну-Марию вдруг охватило ужасное чувство ясности и страха. Все это время она подозревала это, но мысль так и не оформилась до конца. Только теперь она увидела отношение Освальда к Софии Бауман в новом свете. Речь тут не о мести и не о пиаре. И даже не о добром имени «Виа Терра». Это глубоко личное. Болезненная одержимость, на которую ничто не может повлиять, а уж тем более остановить.

– Ты слышала, что я сказал? – крикнул Франц.

– Да, всё до последнего слова. Я все поняла. Ты получишь всю информацию, обещаю.

– Хорошо. Я устал от твоей лжи и некомпетентности. А сейчас я покажу тебе, что мне приходится выносить, в то время как ты плевать хотела на то, каково мне здесь.

Анна-Мария хотела что-то возразить, но Освальд жестом остановил ее. Засунул руку в карман брюк и достал нечто, завернутое в туалетную бумагу. Положив сверток на ладонь,

развернул бумагу. Анна-Мария попятилась, снова ощутив приступ головокружения – на долю секунды ей показалось, что перед ней отрезанный палец. Она попыталась разглядеть детали в предмете, оказавшемся у нее перед глазами. Кровавая жила с белыми точками.

– Что это?

– Колбаска с кровью. Меня заставляют это есть, пока ты рушишь мою жизнь и тратишь мои деньги... Возьми ее с собой домой и съешь. Может быть, тогда ты почувствуешь, насколько все серьезно.

Анна-Мария с усилием сглотнула, ощущая себя совершенно раздавленной.

Несмотря на обещание, данное Софии, Симон не ходил в «Виа Терра» каждую неделю. Ему не нравилось красться под покровом ночи, словно вор или шпион. В такие минуты он чувствовал себя нелепо и глупо. Однако совершал свои ежедневные прогулки и посматривал на фасад усадьбы, проходя мимо по дороге.

В пансионате работы было невпроворот. Они обзавелись тремя теплицами, к тому же он готовился к высадке в открытый грунт. Знаменитый журнал для гурманов заинтересовался экологической едой в пансионате и написал о них статью. «Экологическое земледелие в своем лучшем виде», – так звучал заголовок, а прямо под ним – фотография Симона, опирающегося на лопату. Он вовсе не мечтал о признании и славе за то, чем занимается. Зато статья заставила его испытать почти опьяняющее злорадство по отношению к Освальду. «Вот тебе, задавака чертов, – подумал он. – А ты еще говорил, что всем плевать на мои посадки».

Инга Херманссон так обрадовалась статье, что немедленно предложила повысить Симону зарплату, однако он отверг это предложение.

– На самом деле я хочу другого – чтобы мы приняли этим летом участие в конкурсе «Экогруппы», – сказал он. – И чтобы я получил часть денег, если мы победим.

«Экогруппа» – так называлась общественная организация, каждый год проводившая конкурс на лучшее экологическое хозяйство страны. Симон читал об этом в интернете. Приз представлял собой солидную сумму. На самом деле он и понятия не имел, что будет делать с деньгами, но понимал, что их победа весьма разозлила бы Освальда. Тот всегда заявлял своим сотрудникам, что они имеют весьма низкую ценность «в большом мире» и что на самом деле только он, Освальд, умеет обращаться со СМИ и финансовыми воротилами. Кроме того, он не раз повторял, что, покинув «Виа Терра», они останутся без работы. Разве что, если очень повезет, будут переворачивать гамбургеры в «Макдоналдсе». Теперь Симона забавляло, что они никак не могут найти ему замену в «Виа Терра».

От такого предложения Инга Херманссон воспламенилась.

– Но давай договоримся, Симон: если мы победим, деньги ты оставишь себе.

– Ну, в таком случае половину. Но сейчас, раз уж мы об этом заговорили, мне нужно вспахать побольше пространства на полях. В этом году я хочу начать заниматься органическим земледелием. А еще я хотел предложить поставить в огороде у грядок с приправами несколько скамеек, чтобы наши постояльцы могли там посидеть. Летом там так чудесно пахнет... Можем давать им с собой наши приправы – мы используем далеко не всё, что выращиваем.

Похоже, Инга Херманссон была потрясена тем, что Симон за один раз сказал так много слов.

– Как мне повезло, что я нашла тебя!

Позднее в тот день позвонила мать Симона, прочитавшая статью о нем. Поначалу он даже не узнал ее голос, поскольку ни разу не разговаривал с ней с тех пор, как уехал из дома. Только посылал пару раз рождественские открыточки – с санями и оленями, без религиозной символики. Голос матери звучал мягко и задушевно, не так резко, как обычно.

– Симон, я хотела поздравить тебя по случаю статьи.

– Спасибо. Что-нибудь еще?

– Я хотела бы, чтобы ты приехал домой, навестил нас...

– Вы по-прежнему члены «Пути Божьего»?

– Конечно же, дорогой Симон. Ведь нельзя отказаться от Бога. Он – сама жизнь и вечность.

– Тогда мне все ясно. Спасибо, что позвонила. А сейчас я должен идти работать.

– Обещаю не уговаривать тебя, когда ты приедешь.

– Вы по-прежнему молитесь за столом?

– Ты ведь прекрасно понимаешь, Симон, что мы должны это делать. Ты не можешь принять нас такими, какие мы есть?

– Нет. После того, что случилось с Даниэлем, не могу.

– Симон, Даниэль на небесах. Несмотря на то что он на-творил, я думаю, что Бог принял его в свои объятия.

Симон сбросил звонок. Ему стало тяжело дышать. Поду-

мать только – она до сих пор способна вывести его из равновесия... В голове снова завертелись воспоминания о том страшном вечере, когда из его младшего брата Даниэля собирались изгнать дьявола. Вся его вина заключалась в том, что он влюбился в другого парня. Воспоминания о душераздирающих криках из хлева, когда пастор и так называемые члены совета старейшин хлестали его, призывая Бога и требуя от дьявола покинуть его тело... Горе в глазах Даниэля, когда он на следующий день уехал с хутора...

Через пару часов брат позвонил на мобильный телефон; в его голосе слышались слезы. Он попросил Симона не судить его строго. Тот неверно понял его слова, и каждый раз, когда думал об этом ужасном недоразумении, ему хотелось разбить себе лоб в кровь. Симон ответил Даниэлю, что желает ему всего самого лучшего, что есть на свете. Станные слова, обращенные к человеку, который теперь, по словам его матери, обитает на небесах...

Но где-то в глубине души Симон все же чувствовал, что добром это не кончится. И, когда к ним на двор въехала полицейская машина, он закричал во весь голос – так, что, казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут. Один из полицейских вошел, взял его за плечо и усадил на деревянный диванчик в кухне. И держал его, как в тисках, пока Симон пытался вырваться и накинуться на родителей. Он кричал, пока не охрип, пока крик не превратился в звериный вой.

Все говорили ему, что время лечит все раны. Но эта рана

так и не зажила. Симон в точности знал, где именно Даниэль встал на рельсы. В детстве они вместе ходили туда потихоньку от родителей. Сидели на склоне, наслаждались ветерком от пронесившихся поездов и считали вагоны товарняков. Но Симон туда никогда больше не ходил. И не пойдет. Ни туда, ни на свой хутор он не вернется. Никогда, ни за что...

Симона по-прежнему занимали эти мрачные мысли, когда он прочел сообщение от Софии. Он догадывался, что не она ему все это послала, однако написал ответ. Тут же пожалел об этом и выругался оттого, что письмо нельзя вернуть. Когда позднее в тот вечер пришло ее сообщение с объяснениями того, что произошло, когда он понял, чему подверглась София, то так разозлился, что с трудом сдержался, чтобы не врезать кулаком по экрану компьютера.

И сразу же понял, что пора нанести новый визит в «Виа Терра».

* * *

Хотя март только начался, в воздухе уже запахло весной. Это никак не объяснялось солнцем или температурой: погода стояла пасмурная, на земле и ветках деревьев по-прежнему лежал иней... Нет, что-то ощущалось в самом воздухе – теплая сырость, намекавшая, что суровый холод начал отступать. Снег укрыл вересковую пустошь белым одеялом. Замерзшие ветки хрустели под грубыми ботинками Симона.

Он подошел к склону, где скалы обрывались вниз, к морю, вскарабкался на Дьяволову скалу и встал на самом краю. Под ним неподвижно лежало море – на один оттенок темнее неба, повисшего над горизонтом дымовой завесой.

Симон вспомнил тех, кого Освальд заставлял спрыгнуть со скалы. Такое наказание за провинность он придумал для сотрудников. Им приходилось прыгать в ледяную воду, несмотря на высокие волны и сильный ветер. К счастью, самому Симону такого делать не доводилось, хотя пару раз он едва избег этой участи.

Симон сел на край утеса, свесив ноги, и стал слушать дыхание воды, ее всплески и вздохи. В небе тревожно зависли несколько чаек. Дикая утка отдыхала на камнях, спрятав клювы под крылья. Баклан неподвижно стоял на скале, раскинув крылья, словно самолет. Вокруг царила тишина – только где-то в глубине острова лаяла собака.

Симон подумывал о том, чтобы слезть вниз к воде и поискать мидий, однако понимал, что на самом деле просто пытается оттянуть визит в усадьбу. А ему надо иметь сведения, отвечая на письмо Софии...

Симон успел проскользнуть в калитку как раз вовремя – начинался общий сбор. Встав за дубом, он втянул живот, пытаясь слиться с окружающими деревьями.

Сборище во дворе усадьбы стало многочисленнее с тех пор, как он побывал здесь в последний раз. Униформа сидела на них лучше, сами сотрудники стояли прямее, да и шеренги

выглядели ровнее. Симон обратил внимание на пару новых лиц, которых не видел раньше, – тощего парня с длинными волосами, стоявшего позади Бенни и Стена, и девушку, на которую еще не успели надеть униформу. Ее красный анорак выделялся как приманка для глаз – единственное яркое пятно на фоне серого ландшафта. Симон задался вопросом, как столь печально известной секте, как «Виа Терра», удастся привлекать новых членов. Впрочем, некоторыми, наверное, движет любопытство. Кого-то привлекает харизма Освальда. Всегда найдутся девушки, слепо влюбленные в него – они соглашаются на работу в надежде, что он обратит на них внимание.

Симон обвел взглядом территорию. Обнаружил, что большой сарай, где он когда-то хранил свой инвентарь, переделан под жилой дом. Его покрасили, в нем появилось больше окон и новая крыша. Вокруг дома стояла изгородь, а перед входом возвышалось некое подобие детской площадки.

И тут он увидел Эльвиру. Она стояла перед домом в бесформенном черном пальто, наблюдая за собранием. Волосы разбросаны по плечам, падают на пальто, делая ее похожей на черный треугольник с золотыми краями, выделяющийся на фоне стены дома. На мгновение Симон глубоко прочувствовал, что она испытывает. Это было сродни телепатии: тяжесть, сдавившая грудь, ком в горле и ужас из-за высокой стены и изгороди из колючей проволоки. Все, кто там работал, испытывали это чувство. И теперь Симон почувствовал,

как все это воспринимает Эльвира. «Я не вижу и не слышу, но точно знаю, что она плачет», – подумал он.

Выйдя задом в калитку, Симон осторожно запер ее за собой и повернулся; все его мысли были по-прежнему заняты Эльвирой. Он сделал неосторожный шаг, споткнулся о березу, которую сам же и положил там, и с глухим звуком упал на землю. Ему удалось подставить руки, однако он все же ударился головой о мерзлую землю.

В первую секунду все было тихо.

Потом завывла сирена.

Две недели ничего не происходило. Никаких писем, посылок или других неприятных сюрпризов.

Казалось, весь мир затаил дыхание – Софию окружало странное затишье. Но все стало не так, как раньше. Время словно распалось. София то и дело отвлекалась от своих дел, чтобы осмотреться, выглянуть в окно, проверить компьютер, не пришли ли новые сомнительные сообщения. Неясная тревога охватывала ее, когда она шла по улице. Тени, ранее незаметные, то вырастали, то съеживались за кустами. А то, что ничего не происходило, лишь подпитывало ее страх. Казалось, ее держат под контролем на расстоянии – Софию не покидало чувство, что за ней следят. Случалось, она выходила к мусорному контейнеру, дабы убедиться, что никто не рылся в ее мусоре. Она думала, что выглядит по-идиотски, роясь среди пакетов с мусором. Но ее пакеты оставались невскрытыми.

Те, кто получил фейковые мейлы, восприняли их лучше, чем она ожидала. Ее начальница Эдит Бергман лишь рассмеялась и сказала, что она сразу поняла: сообщение отправила не София. Ее родители даже не проверяли свою почту – теперь они предпочитали общаться по телефону. Позвонила Вильма и спросила: неужели София так соскучилась по ней, что совсем сошла с ума?

Теперь София проводила куда больше времени у родителей. Но, когда она как-то раз попыталась поговорить о своем пребывании в секте, все вышло не так, как задумывалось. Мама тут же поспешила закрыть тему.

– Не думай об этом. У тебя вся жизнь впереди.

Голос у нее звучал неестественно бодро и звонко – как у актрисы в театральной постановке.

– Мне кажется, тебе надо устроить вечеринку у нас дома, – продолжала мама делано веселым голосом. – Пригласить друзей детства. Восстановить прежние связи.

Поначалу София ни звука не могла из себя выдавить, таким нелепым ей показалось мамино предложение.

– Спасибо, но сейчас мне хочется тишины и покоя, – проговорила она наконец.

И больше не заговаривала с мамой о «Виа Терра».

* * *

Иногда София ругала сама себя за то, что затеяла эту историю с блоготом. Почему она так упряма? Почему не могла сделать так, как все ей советовали: забыть Освальда и «Виа Терра»? Но эти рассуждения не срабатывали – она тут же начинала спорить сама с собой, приводя самые разные аргументы.

Приехавший Бенъямин принял дополнительные меры безопасности. Поставил второй замок и цепочку на дверь,

повесил черные жалюзи, которые София сразу невзлюбила, но которые, по его мнению, не дадут наблюдать со стороны, что происходит в квартире. Однако, когда он собрался позвонить в охранную фирму и поставить сигнализацию, София остановила его, сказав, что пока достаточно. Похоже, преследования, как ни странно, закончились.

У нее нарушился сон. Кошмары стали еще отчетливее. То и дело она просыпалась в холодном поту – от того, что билась во сне. Иногда – до того, как открыть глаза, – лежала, словно окаменев, боясь, что проснется в общей спальне в «Виа Терра».

Однажды под утро, когда сон казался особенно ярким, София попыталась удержать его и вернуться в свое тело, прижатое к стене весом Освальда. По собственной воле воскресила в памяти страх, катившийся вверх-вниз по позвоночнику. Попыталась заставить себя обернуться и дать Освальду коленом в пах. Но его образ растаял, ее сознание включилось, и путь обратно в сон заблокировался.

Поднявшись с постели, София подошла к окну. Уличные фонари погасли, комнату заполнил бледный утренний свет. Ее охватило странное чувство нереальности происходящего. Снаружи стояло тихое утро – лишь легкий ветерок шевелил листья осин. Какой-то человек шел по газону перед домом; вот он обернулся и посмотрел на нее. На краткий миг она замерла, но человек отвел взгляд и пошел дальше в сторону центра. Заметив у него на спине рюкзак, София подумала,

что он спешит на работу. Однако тут же почувствовала спинным мозгом: тут что-то не так. В голове словно включилась заставка из фильма ужасов...

* * *

Поздно вечером ей неожиданно позвонил Эллис.

– Что ты хочешь сделать с блогом? – спросил он.

– Черт, я совсем о нем забыла...

София не рассказала Эллису о том, что кто-то взломал ее почтовый ящик, но пока они беседовали, она поняла, что совершила ошибку. Если кто-то и мог ей помочь, то именно Эллис. Так что она сделала то, что поклялась себе никогда не делать: пригласила Эллиса в гости. Это в конечном итоге оказалось очень полезно – он установил на ее компьютере несколько систем безопасности, брандмауэры, скрипты и еще что-то, чего она не поняла.

Еще надо было решить, что делать с блогом. Интерес к нему остыл. Эльвира исчезла и, скорее всего, не вернется. Многие по-прежнему писали комментарии, в основном с вопросами об Эльвире: «Куда она делась? Дети уже родились?»

Эллис и София сидели и беседовали за бокалом красного вина. Она по-прежнему не могла смотреть ему в глаза без настороженности. Когда-то он повел себя по отношению к ней как последняя свинья, так что ей трудно было довериться ему. София даже задавалась вопросом, не является ли его

преувеличенная готовность помочь попыткой снова обосноваться в ее жизни.

Похоже, Эллис прочел ее мысли, потому что вдруг рассмеялся.

– Сидишь и вспоминаешь былые деньки?.. Послушай, я очень изменился. Ты ничего не должна мне за то, что я тебе помогаю. И – смотри, я могу выпить с тобой вина и не напиться до чертиков... Но сейчас мы должны определиться, что делать с блогом.

Соблазнительно было попросить Эллиса убрать его совсем. Все утихло. Бенъямин и Эллис превратили ее квартиру в бронированную подводную лодку. Никто сюда не проникнет, а ее профиль больше не взломают. Прекрасное положение, чтобы выйти из игры.

Однако при мысли о несправедливости снова начинало стучать в висках.

«Никто не помешает мне сказать все, как есть».

– Так что скажешь, София: удалим блог?

– Нет, не хочу.

– Шутишь?

– Вообще нет. Я превращу его в свой собственный блог. У меня наверняка не будет столько подписчиков, как у Эльвиры, но это не важно. Я просто расскажу о том, что случилось со мной. Если мне удастся отпугнуть хотя бы одного человека от вступления в секту, то оно того стоит.

– Большой риск...

– В этом вся фишка, не так ли?

Они просидели всю ночь. Изменили название на «После секты». Убрали фотографию Эльвиры, заменив ее мрачным видом усадьбы в тумане с колючей проволокой на переднем плане. Это была та же самая фотография, которую использовал в своей статье о «Виа Терра» журналист Магнус Стрид. Рассказ Эльвиры они оставили, но добавили рассказ Софии. Эллис сделал дизайн и оформление. София достала дневник, который втайне вела на острове. Последние записи были сделаны в поезде Лунд-Хапаранда, когда она бежала из «Виа Терра». Текст вполне годился, поскольку София писала его в состоянии гнева и возмущения. Там содержались подробные описания того, как Освальд обращался с персоналом, – наказания, насилие, все, что произошло перед самым ее бегством...

– Мы должны написать о том, что случилось с Эльвирой, – сказал Эллис.

– Да-да, мы напишем, что Освальд купил ее, предложив столько денег, что она не смогла отказаться. Народ придет в бешенство. Возможно, это даже вызовет демонстрацию протеста на острове. Группа с плакатами у входа. Это будет круто.

– Наверняка. Точно так же, как я, приехав тогда, требовал, чтобы они освободили тебя, София.

К утру блог был готов, и они выложили его в интернет.

– Обалдеть, как он круто выглядит, – воскликнула София. – Просто жуть берет. Что бы я без тебя делала!

– Как считаешь, что скажет по этому поводу Бенъямин?

– Блог – мое личное дело. Я могу продолжать жить в отрицании того, что было, или попытаться что-то с этим сделать. Так вот, я принимаю вызов.

Когда Эллис ушел, лечь было уже поздно – через пару часов ей на работу. София уселась на веранде и стала смотреть на луну, светившую через тонкие ажурные тучи. Рассвет уже близился, на горизонте угадывалась полоска света. София вошла в ванную и сбросила с себя всю одежду.

Кафельные плитки холодили ступни. Она включила горячий душ – такой горячий, что вся ванная наполнилась паром, и отражение Софии исчезло в запотевшем зеркале. Долго стояла под душем, ощущая, как струи воды хлещут по телу, прогоняя подступавшую усталость. Потом вытерлась, оделась и заварила себе крепкого кофе.

Снова усевшись на веранде, она смотрела, как солнце встает над Лундом, наслаждаясь боевым духом, пробудившимся на душе.

Симон лежал неподвижно, буквально не дыша, там, где упал, мысленно проклиная себя за неуклюжесть. Завывала сирена, и он как раз собирался вскочить и пуститься бежать, но тут сообразил, что его заметит охранник, сидящий в будке у главных ворот. Потом раздался рокот приближающегося мотоцикла. Сердце у Симона билось так сильно, что, казалось, биение должно разноситься далеко в такое тихое безветренное утро. Холод от земли проникал сквозь одежду, распространяясь по всему телу. Мотоцикл остановился. Симон услышал, как опустилась подножка, затем раздался треск и голос по рации.

– Ты кого-нибудь видишь? Сработала сигнализация у ворот.

– Не-а, никого нет, – послышался ленивый голос Бенни. – Наверное, белка или птица.

– Ты не можешь выйти и посмотреть?

– У меня нет ключа.

– Он висит в будке. Пойди забери. И пса прихвати.

Пса? Симон вспомнил лай собаки, который слышал, сидя у Дьяволовой скалы. Тогда он подумал, что лай доносится от какого-нибудь дома в глубине острова. Но сейчас, когда он лежал, распростертый на ледяной земле, перед глазами встал образ гигантского ротвейлера со злыми глазами, огромной

пастью, оскаленными зубами и свисающей из уголка рта слюной.

– Хорошо, сейчас поеду заберу.

Снова затрещал мотоцикл, развернулся на гравийной дорожке и укатил прочь. Симон заметил, что даже дышать перестал, что его тело вмерзло в покрытую изморосью землю. Но ноги сами подняли его, и он кинулся бежать. Понесся во всю прыть. Несмотря на тяжелые зимние сапоги, кинулся в лес, не размышляя, куда бежит. Воздух обжигал легкие, сердце колотилось. Симон не помнил, сколько времени бежал – время перестало существовать; только образ собаки, отпечатавшийся в мозгу и заставлявший его бежать все быстрее.

Мимо деревьев, вверх по холмам, через поляны и дальше в лес. Он слышал лишь собственное пыхтение и треск, когда его ботинки разламывали схваченный морозом мох и низкую поросль.

Сирена за его спиной стихла. Природа затаила дыхание. Симон словно двигался в полном вакууме. Остановился только тогда, когда ощутил боль в груди и почувствовал, что больше не может. Вокруг виднелись лишь деревья, кусты и блестящая белая почва. От его тела валил пар, пот катился ручьями.

Успокоив дыхание, он огляделся – и тут же понял, что заблудился. Мысли снова вернулись к собаке. Зачем им собака? Они заметили, что он заходил в калитку? Но в таком слу-

чае они сменили бы замок... Чего они так боятся?

Сделав глубокий вздох, Симон сосредоточился на самой важной проблеме – найти дорогу домой. Он понял, что должен отыскать какой-нибудь холм, чтобы оглядеть остров. Иначе можно долго бродить кругами. К счастью, деревья стояли без листвы, и если подняться всего на пару метров над землей, видно будет далеко. Некоторое время Симон бродил туда-сюда, потом увидел скалистый склон, поросший мхом. Камень оказался мокрым от растаявшей измороси; Симону не удалось зацепиться, он соскользнул и приземлился на пятую точку. Мысленно выругался, прокляв собственную глупость. Задался вопросом, почему он вообще интересуется какой-то там идиотской сектой. Но вот ему удалось зацепиться за щели в камнях и подняться на уступ.

Отсюда, поверх кроны деревьев, сразу стали видны ориентиры. Церковь в деревне, усадьба и море вдалеке, серое и неподвижное. Спустившись со скалы, Симон направился в сторону деревни, продолжая мрачно бормотать себе под нос. Теперь он не бежал, а просто шел большими быстрыми шагами.

Успокоившись, Симон начал замечать, как красиво вокруг. Воздух казался прозрачным и влажным, в щель между тучами проглядывало солнце, играя на кристалликах измороси, по-прежнему покрывающих сосновые иголки. То и дело солнце пряталось за тучи, налетал свежий порыв ветра.

Симону пришла в голову мысль, что он раньше никогда

так не бегал. Совсем голову потерял. Прекрасно себя чувствуя, Симон шагал и насвистывал себе под нос. Вскоре деревья стали редеть; перед ним лежала дорога в деревню, извиваясь, как змея. Внутри еще не улеглось возбуждение, но привычный внутренний голос бормотал, что он полный идиот.

Когда Симон вернулся в пансионат, уже настало время обеда. Он решил пропустить еду и отправился вместо этого в теплицу, в надежде, что никто не заметил его отсутствия. Вытащил из земли морковку, погрыз ее – и, снова принявшись за каждодневные дела, вскоре вошел в свой привычный ритм.

В тот вечер он написал Софии по электронной почте, рассказав о своих злоключениях. Слегка сгустил краски и потом, перечитывая сообщение, сам рассмеялся. В конце написал: «Пес?»

София ответила тут же. Написала, что это самое смешное письмо, какое она читала в жизни. Что собака – воплощение паранойи Освальда, теперь, когда он заполучил Эльвиру в «Виа Терра». А еще переслала ему ссылку на свой новый блог. Внутри у Симона все опустилось. Хотя он и не удивился. Такого от Софии вполне можно было ожидать; к тому же Симон счел, что она хорошо пишет. Решил, что ответит позже. После драматических событий дня он ощущал зверскую усталость. Перед тем как заснуть, опять подумал о собаке. Интересно, это действительно ротвейлер?

У Симона был свой утренний ритуал, священный и неизменный. Он выходил к завтраку за час до начала работы и, таким образом, мог наслаждаться едой в самом лучшем виде – когда она была только что приготовленная и еще дымящаяся. За едой читал местную газету и «Гётеборг постен». Газеты стали единственным мостиком, соединявшим его с остальным миром, способом узнать, что происходит за пределами маленького острова. Помимо нечастых разговоров с проживающими и переписки с Софией, газеты стали для него единственным источником информации.

Поев, выпив не менее трех чашек кофе и прочитав газеты, Симон чувствовал, что насытился – как физически, так и умственно, – и его уже ничто не интересовало, кроме растений.

Объявление появилось примерно через неделю после эпизода возле усадьбы. Симон дошел до последних страниц газеты с частными объявлениями. Обычно он пропускал их, но иногда мельком заглядывал, проверяя, не умер ли кто-нибудь из тех, кого он знал. В этот день его взгляд задержался на одном объявлении под рубрикой «РОЖДЕННЫЕ».

Близнецы

Тор Освальд и Инвиктус Освальд фон Бэренстен /

Симон очень внимательно прочел объявление. Поискал взглядом вокруг, потому что кое-чего не хватало. Никакой фотографии детей. Никаких теплых слов типа «Добро пожаловать в мир!» или «Добро пожаловать, дорогие Тор и Инвиктус!» Вместо этого – бело-зеленый флаг и логотип «Виа Терра»: три буквы V, окруженные чем-то, напоминающим рот, – сокращение от девиза Освальда «Мы идем земным путем». Все работавшие в «Виа Терра» знали, что за этим стоит скрытый смысл: «Victorius, victorius, victorius», – ибо Освальд верил, что когда-нибудь завоюет весь мир.

Симон подумал об Эльвире, потом об Освальде. О детях, которые пришли в этот мир, не подозревая, что их ждет. Отложил газету и поежился.

Когда вечером он позвонил Софии, она сочла, что флаг и логотип Освальда на объявлении о рождении детей – не такие уж странные вещи.

– Да, в этом он весь. Любит, чтобы все было загадочным и необычным... Ты знаешь, почему логотип напоминает рот?

– Нет, не знаю.

София рассмеялась.

– Он мне как-то рассказал. Поцелуй смерти, понимаешь ли. У этого человека точно не все дома.

Симон почувствовал, как многое прояснилось. Он никогда не понимал этого странного символа, который Освальд всегда использовал в «шапке» всех писем, даже раздавая со-

трудникам самые простые директивы.

– Ну вот, теперь ты знаешь, – продолжала София. – Но имена!.. Кто называет детей Инвиктус и Тор? Такой бред, что просто невозможно. Бедные детки, как их будут дразнить в школе...

– Да. Но ведь они наверняка станут учиться в какой-нибудь дорожкой частной школе, где у всех детей будут имена с давними дворянскими корнями. Бенедиктус фон Крусеншерна или что-нибудь в этом духе...

София снова рассмеялась, но Симон заметил в ее голосе серьезные нотки. Едва уловимые, но он все же почувствовал их.

– Что-нибудь случилось?

– Да вроде нет... то есть так, предчувствия. Ничего конкретного. Я напишу тебе, если что-нибудь случится.

Симон не стал больше спрашивать, но на душе у него осталось тяжелое чувство, когда они закончили разговор.

Только когда они вошли в квартиру, Каллини накрыла нервозность. В голове зазвучал голос разума. *«Что ты творишь, черт подери? Совсем спятила? У тебя что, мозги отшибло?»* Но она научилась отключать его, делая глубокий вдох через нос. Медленно выдохнув воздух через рот, Анна-Мария ощутила, что снова вернулась в текущий момент. Тот голос – всего лишь жалкий трус, много лет сдерживавший ее.

– Тут все просто до чертиков, – сказал Дэмиен Дуайт, ее сообщник. На самом деле Анна-Мария предпочла бы не обращаться к нему – не была уверена, что он сможет держать язык за зубами. Однако Дэмиен оказался единственным среди ее знакомых, кто мог выполнить такое задание за небольшое вознаграждение. Он был англичанин, но всю свою взрослую жизнь прожил в Швеции. Они познакомились еще в университете; между ними завязался небольшой роман, который вскоре закончился, когда Анна-Мария устала от его бесконечной лжи и нездоровых привычек. Он был из тех красавцев в костюмах с отполированным фасадом, которые производили приятное впечатление, – пока не заглянешь внутрь. Бросил университет и теперь кормился за счет мелких, не вполне законных подработок. На самом деле мог выполнить все, что угодно – если предложить ему адекват-

ную цену. Хотя у них не осталось ничего общего, она поддерживала знакомство. Дуайт мог пригодиться, если на вечеринке хотелось чего-то покрепче, чем алкоголь.

И вот сейчас он менее чем за минуту проник в квартиру. Это выглядело так круто, что у Анны-Марии мурашки побежали по коже.

Дэмиен огляделся.

– Они укрепили входную дверь, но совершенно забыли про дверь веранды. Вот идиоты!

Анна-Мария окинула взглядом маленькую квартирку. Все аккуратно, каждая вещь на своем месте. Воздух почти дрожит от стерильной пустоты. Словно кто-то иногда использует это место как убежище, но не живет здесь постоянно. В точности как любила она сама. Анну-Марию охватило раздражение по поводу того, что София Бауман оказалась такой педанткой. Впрочем, от дешевых вещей из ИКЕА в квартире завис запах пластика. У девчонки нет чувства стиля.

– Насколько это незаконно? – спросила она Дэмиена.

– Ты ж у нас адвокат, – он ухмыльнулся.

– У меня нет никакого опыта в подобных делах.

– Достаточно противозаконно, чтобы опустить тебя навсегда. И необычно, чертовски необычно.

– Не то, чтобы мы тут изобретали что-то новое, – Анна-Мария усмехнулась. – У Франца в «Виа Терра» везде расставлены камеры. Это только начало. Похоже, у Франца еще кое-что на уме... Но плевать. Больше ничего такого дерзко-

го не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.